

IN
CREEK

IN
FREEK

И смех и грех

Эротика в пермском фольклоре

**Сказки, бывальщины, заговоры,
загадки, песни, частушки**

Собрали и составили И. Подюков, С. Хоробрых

УДК 398

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

И 11

Научный редактор

И. А. Подюков, д-р филол. наук, проф.

Рецензент

К. Э. Шумов, канд. филол. наук, доц.

Художник А. Екубенко

© И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, 2001

© Издательство ПРИПИТ, 2001

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Непристойные тексты в русском фольклоре собирались всегда и, наверное, всеми без исключения известными фольклористами. Публиковаться они стали, правда, сравнительно недавно. Полно представлена народная эротика в первом в России научном издании такого рода — в сборнике «Русский эротический фольклор» (М.: Ладомир, 1995); появились такие издания «непристойных» сказок, как «Заветные сказки» А. Афанасьева, «Северные сказки» Н. Ончукова. Надо ли говорить, что без такого материала палитра народной словесности остаётся неполной, ведь эротический фольклор — органическое наследие культуры древнего язычества.

Очевидно, все народы мира когда-то исповедовали культ секса. Эросная энергия (энергия, рождающаяся как бы из ничего) считалась актом первотворения не только жизни, но и самого мира. Признаки пола в древнем сознании обретали предметы внешнего мира, и былая сексуализация мира хорошо видна в противопоставлении неодушевлённых существительных мужского и женского рода (дающие сладкие плоды деревья, обычно имеют женский род, не наделённые таким свойством, — мужской). Любопытный языковой факт: ещё в начале XX века в русских народных говорах нижний (неподвижный) мельничный жернов назывался «жена», а верхний, собственно и перемалывающий, — «муж». Точно так же отвальный лемех сохи определялся в народной речи как «жёлка, жёлочка», тогда как острый, распашной — «мужичок». «Сексуализация» мира использовалась как средство обеспечения удачи, особенно в делах, где человек не всегда оказывался в сила повлиять на ситуацию. Не умея воздействовать на природу, он как бы заставлял её следовать своему примеру. Так рождена, в частности, древнейшая параллель женщины и посевного поля, секса и полевых работ (она хорошо ощущается в представленных в сборнике эротических частушках).

У многих собранных в сборнике текстов есть одна особенность. Услышать их, и особенно в большом количестве, можно было в старину не всегда. Прежде всего, они звучали на сельской свадьбе, а именно — на второй день, когда вообще снима-

ются многие нравственные ограничения, воцаряется разгульное веселье. Звучащая во весь голос эротическая тема, в этот момент как бы стимулирует зарождение новой жизни (к свадьбе приурочены и особые заговоры с неприличными словами и оборотами, также помещённые в сборнике).

Не был простой забавой и развлечением в древности один из самых поэтичных жанров фольклора — русская загадка. Ритуальное, магическое назначение её проявлялось в том, что загадывали в строго определённые моменты времени — глубокой осенью, чаще на Рождество, а также на свадьбу. Эротические загадки показывают очень смелый, «эросный», контакт человека и мира, в них обыденные предметы и повседневные действия показаны в нарочито сексуализованном, условном виде. Любопытно, что собственно сексуальная практика редко становилась темой загадок: абсолютное большинство загадок эротического плана обозначали совершенно невинные предметы: прорубь, квашню, замок, ягоду и проч.¹. При всей внешней циничности, вульгарности загадок не стоит забывать, что отгадки в них вполне целомудренны; заметим также, насколько талантливо оформлена каждая из загадок. Здесь и прекрасная рифма, и утончённая звукопись (*«по локоть лохмато, по локоть голо, по локоть под халку ушло»* в загадке о прялке). Но самое главное — подразумеваемые текстом загадки непристойности есть ничто иное, как наивная вера в то, что эротическое действо между мужчиной и женщиной способно привести в движение высшие космические силы, увеличить счастье и ощущение полноты бытия здесь, сейчас, а не «там» и не тогда, когда нас не будет.

Сюжеты и образы, восходящие к древности, мы встречаем во многих представленных в этом сборнике текстах. При изображении детородных органов и половой связи народная фанта-

¹Тем не менее, загадки такого рода встречались, например с аналогией секс и баня: *баня кожанна, двери силенны, один парится, двое набиваются*. Возможны и более развёрнутые представления того, что бывает между мужчиной и женщиной: *человека адамова рода тащили пятеро до гроба. Во гроб шёл — веселился, во гробе прослезился, из гроба умертвился*. Мистический, «похоронный» ореол загадки здесь, безусловно, не случаен: загадка как бы утверждает всем своим строем саму жизнь, её плотность и чувственность как нечто противостоящее смерти.

зия в сказках, загадках, частушках просто неистощима: здесь и мотивы огородных работ, и мотивы ловли птиц и рыбы, и аналогии с явлениями растительного мира. Они часто обожествлялись, представлялись самостоятельными, живыми существами. Вряд ли правильно видеть за всем этим одну только пошлость. Эротический фольклор как бы говорит нам: «греховное», телесное начало в человеке не менее важная его часть, и очень часто именно оно привносит в нашу жизнь ощущение всей остроты и сладости человеческого бытия. Мы так привыкли, что предмет поэтического воспевания (хоть в авторской поэзии, хоть в фольклоре) обычно бывает любовь неосуществлённая, возвышенная. Вместе с тем известен (и публикуемые материалы как раз это и показывают) несколько иной народный взгляд на любовь. Любовь физическая, реальная — вот что может считаться наполнением жизни, вот что во многом определяет жизненный тонус человека, даёт ему максимум положительных ощущений.

Предлагаемые вниманию читателя сказки, бывальщины (народные анекдоты), заговоры, песни и частушки собраны составителями в 90-х годах в разных районах Прикамья. Главная их тема — вовсе не порнографическое смакование деталей эросной сферы человека. Гиперсексуальность, которую демонстрируют герои, есть на деле некий праздник, торжество плоти. За высвобождением эротической фантазии стоит психологическая и физическая естественность человека (вполне здоровая деревенская грубость здесь густо замешана в большинстве случаев на юморе). Поэтому, знакомясь со столь непривычным «неприличным» фольклором, нужно помнить, что эросное в народной традиции не воспринимается исключительно как низменное, греховное и постыдное.

Иван Подюков

СКАЗКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ

Репкин сторож

Посеяли старик со старухой репу. Запросила старуха: «Посей да посеяй». Старик и посеял. А репа на диво выросла — такая хорошая, крупная. Говорит старик: «Старуха, у нас ведь репу-то украдут, такая хорошая уродилась». «Ничего,— говорит старуха,— я найду сторожа». Вот старуха свою кунку вырезала, посадила под лопушку, сторожить, ладно. Пришли солдаты репу-то воровать. Ну чё, дергают, а кунка под листиком сидит: «Тю, тю, вижу, хозяину скажу». «Кто же это, нигде никого нет. Кто это?» — солдаты-те думают. Дергали, дергали, да до неё и добрались. До кунки-то. Взяли да в мешок её положили. Принесли в казарму. Ну, всё. Принесли. «Куда, — говорят, — тебя посадить? Под стол?» Она кричать: «Нет, нет, под стол не сяду, меня там ногами затопчут». «Куда же тебя, — думают солдаты? — На стол, что ли? На столе будет смешно. На полку? На полку грешно». «А,— говорят,— тогда только во штаны». — «А вот, вот, тут моё место!» Вот куда солдаты её посадили, сторожа-то...

Такая природа

Свадьбу наладили парня с девкой. Девка-та уж была с ружья-то пробованная**, а жених опять пьяница был. Ладно, отгуляли свальбу, повели на подклет** молодых. А жених-от успел бутылку со стола со свадебного тишком взять да унести, под постелю-ту поставить. Худо только заткнул, она пала да сколь-то вылилось. Вот, легли, девка боится: счас все узнают про её. А жениху не это надо, он бутылку добыл, пьёт, да видит, что тамо не полон. Он и говорит: «Кто-то уже до меня видно попробовал». А невестина-та мать стоит туто-ка, за дверью. Ей показалось, невесту так корят: кто-то де попробовал. Мать-то кричит: «Нет, нет, никто не попробовал. У нас-де такая природа такая — широкоп...е».

Шампанское

Жили муж с женой. У них был парень Колька. Мужик работает, баба дома. Завтра суббота, баба остаётся дома, печку то-

пит, полы мьёт, баню готовит. Баню истопила, полы вымыла. Всё. Мужик приходит с работы. Пришёл мужик с работы, по пути бутылку шампанского купил, с собой принёс: после бани выпьем. Поужинали, за стол сели, он и говорит: «Баба, давай-ка по стакашку шампанского выпьем». — «Ты чё, завтра воскресенье, я шаньги настряпаю, тогда и выпьем». Так и не дала. Ага. Спать легли. Мужик снова к бабе: «Раз ты не даёшь шампанского, давай я сейчас буду тебя того». — «Ты чё, — говорит она, — после бани я чистая. Завтра воскресенье, ведь грех». Ладно. Мужик уgomонился вроде, да опять за свое, забadoжило** дак: понужал**, понужал, она не дает. А Колька, сын, спит на полатах. Мужик осердился на бабу, пошел, бутылку шампанского взял да и открыл. Как состукало (шампанское стучает ведь, когда пробку вышибат), парень Колька слез с полатей, да и говорит: «Вот, мамка, довыё...лась, у папы муде лопнули».

Корень жизни

Задумала себе императрица Екатерина мужика найти. Смотрит: в строю высокий стоит, она призвала его, спрашивает, а сама на грудь себе показывает: «Это что?» — «А это, матушка-императрица, грудь», — говорит он. — «Иди, батюшка, не нужен». Призвала другого. Пришёл, маленькой, страшненькой, прыщавый. Императрица показывает себе на грудь, спрашивает: «Это что?» — «А это, матушка-императрица, молочная фабрика». — «А это?» — показывает императрица себе на её. — «А это пещера». — «А это что?» — спрашивает государыня, мужику на его показала. — «А это, матушка, корень жизни и смерти». — «О, батюшка, подходишь. Ну, давай, толкай свой корень жизни и смерти в эту самую пещеру».

За того выйду, у кого нету

Жили муж с женой, у них была девочка. Они не оберегаются, спят. Девочка это увидела. Только мать куда выйдет: «Папа, давай меня тоже, как маму». Мать зайдёт — она молчит. Только мать куда выйдет: опять за своё. Чего мужику делать? Он гвоздик накалил да на лобок и положил ей. Девка орать. Ну и чё? Жива осталась, растёт. Выросла, невестой стала. Стали парни

за ней ухаживать. Она всем говорит: «Никуда замуж не пойду, папа пробовал — больно». Один парень всё же сыскался, стал за ней ухаживать. «За того выйду, у кого нету». Вот какая нужда. Парень это услышал. Как-то раз корову гонит, а та не идёт прямо: то туда, то сюда. У девки окно открыто было, он увидел, да как заорёт: «У-у, кабы у меня был, так я бы сейчас тебя!» Девка услышала, что у него нет, решила взамуж за его пойти. Свадьбу сыграли. Спать надо ложиться, она и говорит: «У тебя же нету, как ты хочешь со мной управляться?» — «Да я у брата занял на одну-ту ночь». Ну, занял и занял, ладно. На другой день он и говорит: «Чего мы будем все занимать? Надо на рынке купить свой, чтобы не занимать». Договорились. Он собрал деньги, поехал на рынок. Она чё-то пошарилась, пошарилась на божнице, кричит: «Иван, ещё вот пять копеек, может не хватит». С рынка пошли в баню. Ну и того. Она всё разглядывает, всё высматривает: «А это чего у тебя ещё тут болтается?» — «Да, — говорит парень, — пять копеек-то дала, дак довесок ещё дали. С довеском продали».

Полтора метра

Раньше ребята, кто родился, до двадцати лет ходили без штанов, пока не женили. Ходили голые, где поср...ть надо, там поср...т. Одна девка бегала, увидела одного парня, Ваньку, у него вот такая штука. Она и говорит: «Ванька, тебе пора жениться». — «Как пора жениться?» — «Жениться надо». Ванька домой прибегает, он один сын был, говорит: «Папа, мне, говорят, жениться надо». — «Уж двадцать лет, Ванька, тебе, можно. Иди женись, нашел кого?» — «А там девка возле церкви, через лесок от деревни». Он рассказал всё. Старик говорит: «Я их знаю, род хороший (раньше-то по роду брали), пойдём свататься. Не сегодня, завтра пойдём». Порешили. Матушку отправили в магазин: надо купить матерьялу, брюки сшить, раз без брюк до того ходили. Красного материалу купили, на флаги который был, сошили парню брюки, ещё полтора метра осталось. Поехали свататься. Едут лесечком прямо. Парень говорит: «Папа, я хочу по-тяжелому». — «Иди, сбегай быстро». Отец-от не подумал, что сын штаны-то не снимет. А он без штанов ходил, привык. Ну, все в штаны и сделал. Пришлось снять штаны, снял с себя да

на сучок и повесил. Без штанов папу догоняет, так штаны и оставил там. Догнал, сзади на телегу прыгнул. Едут. Приехали к невесте в дом, сватают. Невеста из-за заборки** выглядывает: он распахнулся, а у него все видно. Ванька хлопнул себя по середине: «Понравилось? У меня дома еще полтора метра осталось».

Чудо-диво

Раньше солдатня служила двадцать пять лет, с дорогой и обратно, так и считалось. Вот солдат идёт служивый, идёт, значит, шагает домой. Приходит до Яика, как у нас Язьва, тутока река, к берегу приходит, а никого нет. Перейти вброд не может. Смотрит, поп рыбачит. «Батюшка,— кричит,— перевези меня. Я тебе чудо-диво покажу». — «Ты чего мешашь-кричишь, всю рыбу тут у меня распугаешь». — Перевези, я тебе чудо-диво покажу дома». — «Покажешь?» — «Покажу». — «Ладно, солдатушко». Он его повёз. Подплывают. «Точно покажешь?» — «Покажу на том-то берегу». Переплыли. А раньше попы-те такие были, им всё бы узнать, в чём дело-то, какое такое чудо-диво. Спрыгнул на берег солдат, а поп-то: «Ну, какое такое чудо-диво?» — «Давай, батенька, лодку-то выдернем на берег». Выдернули. А солдат из штанов-то его достаёт, да вдоль лодки как ё...нул, и лодка напополам. Поп-от сам напрашивался. Ладно. «Пошли, батюшка, пошли домой, мне бы переночевать где». — «Пойдём, у меня соседка есть хорошая, у неё переночуешь». Идут шагают. Поп надулся, как таракан: всё ему солдат не солдат: чудо-диво показал — лодку сломал. Пришли. Поп говорит: «Всё, до бабушки пришли. Вон где она живёт. Иди заходи». А сам домой пошёл, солдат ко старушке. Старушка его приняла, напоила, накормила. Он на печку свалился спать. Поп домой приходит, а матушка спрашивает: «О, батюшка, рыбы принёс?» — «Х... сегодня не рыба, больше не принесу». — «А чё тако достало?» — «Вот с армии служивый шёл и мне чудо-диво показал. А я, дурачок, с им и наварлся: лодку мне расколол. Нет больше лодки». — «Чем расколол?» — «Чудо-диво из штанов достал да ё...нул поперёк». Смекнула старая, что за чудо-диво, говорит: «Это у меня двоюродный племянник, позвал бы ты его в гости. Иди, приведи его, где он?» — «Да он у бабушки Алёны спит». — «Иди приведи сейчас же. Я с им скоко не видалась». Поп ушёл, а ма-

тушка на стол всё жарено-парено приготовила, сидит ждёт. Батюшка пришел к старушке, а солдат на печке лежит, отдыхает. «Ванька, вставай, оказывается, ты моей матушке свой. Иди погости, тебе всё хорошо будет». Догадался Ванька, чем свой. Согласился. Приходят. Поп вперед заходит. Ваня заходит, попадья набрасывается всей душой, в губы его, да всё хорошее. Ванька догадался, в чём дело. Она за стол его: «Садись, выпей-ка». Выпили, закусили. Больше водки не стало, а магазины еще работают. Матушка кричит: «Батюшка, сбегай за водкой, купи. Сколько мы не видались, поить его надо, братишку-то, он хороший». Батюшка матушку послушал, убежал в магазин. Пока бегал — они кокнулись. Она деньги достаёт и даёт ему: «Молчи, молчи, на тебе деньги». К этому времени батюшка пришёл, ещё выпили. Ванька говорит: «Я спать хочу, отдохну маленько». — «Я тоже притомилась, — говорит попадья. — Батюшка, ты сегодня ложись на эту койку, а на печку-то мы ляжем с Ванькой. Давно не видались, поразговариваем. Ты спи, а мы мешать тебе не будем». Уснули будто бы — там всяко попробовали. Матушка утром говорит: «Батюшка, Ванька пусть погостит ещё у нас одну недельку. Мы потом его проводим». Ванька гостит, а ему бы сорваться быстрее, попадья денег-то надавала. Пришло время. «Вот сегодня Ванька едет, — говорит попадья, — давай, мы его проводим, батюшка». Идут проводить его. Дошли до первого лога. Поп говорит: «Я устал, всё, больше идти не могу». Попадья: «Ну, ладно, ты отдыхай, а я его провожу до второго лога. А если, случай чего, махать будем, ты уж не подведи, помахай». Дошли до второго лога без попа. Попадья солдату говорит: «Мы с тобой всяко пробовали, а сейчас будем так: я ноги подниму, а ты шапку повесь на них. Я подмахивать буду, а батюшка приметит, обрадуется, тоже помахает». Те лопатятся, а поп им махает. Махал, махал, чуть с ума не сошёл.

Скромная фамилия

Раньше попы нанимали тоже работников, там пшеничку сеять, рожь убирать. Один Ванька такой нашёлся работник. А у попа денег много. Ванька и думает, как бы их украсть. И фамилию свою не называет, всё Ванька, Ванька, а какой Ванька, никто не знает. Он работает честно, а сам думает, где бы ключи дос-

тать: деньги украсть и убежать. Вот работает Ванька, так работает, поп не может нарадоваться: «Вот у меня работник какой: пшеничку жнёт, рожь молотит. Девка у меня есть, даже с девкой не связывается». А Ваньке вовсе она не нужна: «Не хочу тут мараться». Всё. Живёт. Один раз поп правил себе день рождения и работника пригласил: «Знаешь, Ванька, ты всё Ванька, Ванька, а есть у тебя фамилия какая или нет, ты скажи мне». — «Ой, беда, батюшка, я скажу, ты посмеёшься. У меня фамилия поганая, будешь смеяться надо мной да над матушкой. Дочери скажешь, жене — они смеяться будут. Я тебе не скажу». — «Ты мне одному скажи. Я молчать буду, честное слово». — «Не скажешь?» — «Не скажу». Ванька тогда и говорит: «Зае...увсех». Дивная какая фамилия. Поп знает, какая фамилия, а бабка не знает, и дочь не знает. Бабка стряпает, работник робит. «Ванька, Ванька, ты хороший работник, а фамилия-то есть у тебя?» — «Да есть». — «Ну, скажи». — «Ой, матушка, я тебе не скажу. Ты смеяться будешь, батюшка узнает, дочь узнает, тоже смеяться будут. У меня скромная фамилия». — «Ты мне скажи, я никому не скажу, я слово даю». Он и говорит: «Е...тьсяохота». Ладно. Тут дочь. Она помогает Ваньке, смеется над ним, а он с ней связываться не хочет: «Найду себе таких хреновниц ещё». Она раз и говорит: «Ванька, Ванька, тебя все — Ванька, Ванька, а фамилия как у тебя, не говоришь. Знала бы я тебя: работник ты хороший». — «А я бы тебе сказал, да ты батюшке скажешь, матушке — смеяться будете. У меня фамилия особная — Кункачешется. Только ты не говори никому, ладно?» Как-то раз вечер был. Хороший такой вечер, сидят, пируют. Поп пригласил Ваньку. Все его зовут Ванька да Ванька, а фамилию не говорят. Ванька подглядел, куда поп ключи повесил. Вот поп упал пьяный, свалился, Ванька, раз, ключи взял, открыл шкаф, взял деньги, ключи — на место и убежал. Потеряли Ваньку. А Ванька у барина у одного кучером заделался. Этот барин раз и говорит: «Пойдем молиться». А Ванька отвечает: «Я туда не пойду, поп там беспомощный**. Не, не поеду». — «Поедем. Ежели поп дурак, ты лошадей не выпрягай». Подъехали, остановились, зашли в церковь. Поп молится, жена его тут, а девка-то, дочь-та их, заметила Ваньку и матушке на ухо: «Мама, мама, Кункачешется!» Мать ей в ответ: «Почеши да и постой». После сама попадья увидела

Ваньку, как закричит: «Батюшко, Е...тьсяохота!» Там все молятся, поп-от ей тихонько: «Ты чего, бл..., обедню проведём, дак после». Ладно. Опять стоят, молятся, а когда народ уже из церкви стал выходить, поп сам заметил Ваньку. Заметил да как закричит: «Зае...всех!». Тут все бежать, кто куды хочет. Одна старуха упала под порогом: «Батюшко, меня хоть не е..., я уж старая!»

Иванушко-простота

Жили-были дед да баба. У их был сыночек один, но он маленько был недоразвитой, как Иванушком звали. Ну и вот, он подрос уже, в школу ходить начинал, учился. А тожно мать его повела в церковь. Он в церковь сходил, ему понравилось. Следующий праздник подошёл, матери некогда идти стало, значит: «Ты, Иванушко, иди хоть сегодня в церковь сходи. Сегодня воскресенье». Он пошёл в воскресенье в церковь, идет и видит: мужик пашет на полях. Ваня говорит, ну мать-то как была у него религиозная, дак он так маленько-то знал, но все-таки он был маленько не совсем жо. Он и говорит мужчине-то: «Дай тебе Бог сторицу да метлицу, а не хлеб, что родился, сегодня воскресенье, надо в церковь идти Богу молиться, а ты пашешь». Мужик осердился да его плёткой нахлестал. Иванушко вернулся домой, идёт, мать его и спрашивает:

— Чего ты ревёшь?

— А вот там дядька пахал, я ему вот чего сказал.

— Да дурак ты, дурак! Ты бы сказал: «Дай тебе Бог носить да не выносить, возить да не вывозить».

— Ой, дак я, мамка, пойду сейчас скажу.

Пошёл, несут опять покойника как раз. Он тожно им и говорит: «Дай вам Бог носить да не выносить, возить да не вывозить» Его опять тут настукали. Тожно пришёл опять домой, ревет. Мать опять спрашивает, он ей и говорит:

— А вот ты сказала, мамка, я так и сказал.

— Да дурак ты, дурак! Ты бы взял да покрещал, да песенки попел, дак тебе бы хоть конфетки дали бы, да пива налили, для чего у них вино с собой.

Он: «Мамка, мне-де жалко, я пойду-де». Побежал, опять горит гумно, все заливают с ведрами. Он побежал, давай плясать,

песни петь. Думают, что он поджег: «Что ты это, дурак, тут горит. Надо заливать, а ты чё это делаешь?» Опять ему попало, этому парнишке. Пришёл домой, опять матери и говорит, мать спрашивает, он и говорит: «Да вот чё». А она ему в ответ: «Дак ты бы взял ведро у кого бы попросил да заливал бы, воду-то носил». — «Ой, мамка, я возьму ведро и в ём пойду заливать, помогу».

Побежал с ведром заливать, дядька опять свинью палит. Раньше палили их. Ванька пришёл опять с ведром-то, у него залил. Дядька взял да настукал его. Ванька опять домой идёт, ревёт. Пришёл домой, мать опять спрашивает, она ему:

— Да дурак ты, дурак! Ты бы подошёл да сказал: «Дай тебе этим кусочком разговеться в Христов день».

— Ой, мамка, я пойду скажу.

— Ну, ступай, так и скажи.

Он ушёл. Дядька сидит на кокорках, управлятся по-большому. Сидит: «Выкладывай!» Ванька ему: «Дай тебе Бог этим кусочком разговеться в Христов день». Тот опять его налопал. Иванушко домой приходит, опять ревёт. Мать ему:

— Да дурак ты, дурак. Да ты бы шел да плюнул только на его. Не на его хоть, а прошёл маленько, да и плюнул.

— Пойду, мамка, пойду плюну.

— Ну, ступай.

Ванька ушёл. Опять служат молебен. Вышли все с иконами, на полях раньше служили, пошли все ко кресту, батюшка крест держит, значит, Ванька тоже подошел да ему на крест плюнул. Батюшка его крестом опять стукнул. Тожно Ванька пришел домой, опять ревет. Мать его ему и говорит:

— Да дурак ты, дурак! Ты бы перекрестился да поцеловал.

— Ой, мамка, пойду поцелую.

Пошёл. Лошадка стоит, кобылка, да стит, хвост оттянула. Ванька перекрестился, взял да и поцеловал. Кобылка как лягнёт его, тут парня насмерть и убило.

Ванька-Манька

Поп служил в одной церкви, а там у его монашки были — певцы. И вот был один Ванька, решил он ухитрить этих монашек. Уделать хоть одну. Оделся в монашку, Манькой назвался и

вместе с ними пошёл в баню. А свой этот прибор сюда привязал — на плечо, чтобы не видели. Шнурком. Они чё — ниче ведь такое не знают, ещё не видели этого прибора никогда в жизни. А мыться стал, развязал шнурок-от. Прибор-от у него значит висит. Монашки спрашивают: «Манька, что такое?» — «Это у меня приборчик слатенький». — «Как слатенький?» — «Счас покажу. Ложитесь». Одной показал, другой. Восемь монашек было, всем показал этим прибором. Стали так и жить. Живут месяц, два, три, год. А растут же брюшка-те. Поп заметил: «Ага. В чём дело?» — «Да у Маньки есть прибор слатенький. Он нам его показал, этот прибор». — «А где он его держит?» — «В штанах, батюшка, в штанах, никому не кажет, а нам кажет». Ну, поп этих монашек погнал. Тут Ванька бежит по дороге. Они батюшке показывают: «Вот Манька, она с собой ключ таскат от приборчика, им он открыватся». Поп спрашивает: «А какой у его ключ?» — «Да пойдём, отберём». Ванька бежит от их, тут речка, по мосту надо. Он бежал-бежал да камень в воду бросил. Они все думают, он ключ-от их выбросил. Полезли в воду, давай искать. Поп туда же — и штаны снял, ищет. Одна монашка посмотрела на его, видит: у его тоже меж ног висит: «Батюшка, ты видно нашёл ключ, а молчишь». Хватает его за ключ-от и эдак давай с им заниматься. Тут поп понял, какой у Маньки ключ был.

На том свете

Три старухи умерли, попали на тот свет. Первую там спросили: «Что делала?» — «Пряла и пряла», — ответила она. — «Иди в ад». Вторую спрашивают: «Чем занималась?» — «Пряла и пряла». — «Тоже во ад». Третью спрашивают: «Чем занималась?» — «Е...лась и е...лась». — «Тогда, пожалуйста, пойдёте ко мне в кабинет».

Старуха причитала...

Умер старик. Старуха кричит, причитает: «Поцеловала бы я тебя в ручки, да не видала от тебя полочки. Поцеловала бы я тебя в глазки, да не видала от тебя ласки. Поцеловала бы я тебя в губки, да всю жизнь держался ты за чужие юбки». Люди у гроба стоят и говорят: «Поцелуй ты его в лоб, хоть х...во, да ё...»

Как хлебы печь

Жил мужик с бабой. Баба никак не могла хлеба испекчи хорошего. Вот мужик и говорит: «Ты чё, баба, с ума сошла, никак не можешь хлеба хорошего испечь. Надо тебя учить». — «Дак ты скажи, мужик, как хлеб-от печь?» — «А ты меси, меси, куда у тебя из ж... пена не выйдет, всё меси». Вот она месит, месит, а парень бегаёт, она ему: «Мишка, посмотри-ка, у меня пены нету?» — «Мама, ничё нет». Она опять месит, месит, а всякими руками туда лазит. Вот опять: «Ну-ка, Мишка, посмотри?» А Мишка посмотрел да говорит: «А чё, мама, у тебя две дыры вместе, и обе в тесте».

Пропала шинель и жнито

Раньше каждый землю себе имел. Каждый посадит своё поле — всё в порядке. А у мужика немного не хватало, как у меня, в голове, а баба молодая у его, так вот, сам знаешь. Вот они пшеничку посеяли, выросла, жнут. А раньше серпами жали. И опять солдат идёт с армии, а солдат не видал бабу, нигде не мог её страхнуть, охота попалася за двадцать пять-то лет. Вот она, молодая, жнёт. День хороший, солнечный. Солдат до мужика с бабой дошёл, снял всё с себя, всё, улёгся. Лежит, а у его болтается. Молодая увидела да своему бестолковому Ваньке и говорит: «Смотри, солдат-то хвалится. Он у него здоровый, большой, да, наверно, беспомошный». Мужик: «Как беспомошный?» — «Да беспомошный. Он туда не полезет, у тебя хороший, а у него беспомошный». Заслыхал солдат, что спориться надо. Мужик-то к бабе, мол, можно с ним поспориться, баба-то говорит: «Спорься». Ванька ещё больше расшеперился: «Чего ты лежишь хвастаешься, чего хвастаешься? У тебя здоровый, да беспомошный. Не полезет. А у меня маленький, да лучше». — «Ты чего, как не полезет?» — «А не полезет». Солдат тогда говорит: «Ты дай, дорогой друг, бабу твою. Если он не полезет, значит, я снимаю шинель и тебе отдаю, а полезет, те снопики, которые ты собрал, я заберу и на рынке продам». Всё. Договорились. А баба стоит невдалеке и только и думает: «Когда же он меня кокнет?» Привёл мужик солдата: «Алёнка, ложись, ложись, подол поднимай» (а раньше без штанов ходили). Она легла. «Загоняй». Солдат

как вторил**! Ванька бегает вокруг и кричит: «Эх, пропала шинель и жнито, так крепко пришито — и щёлки нет».

Обломился

Алкоголик приходит домой и говорит:

— У, баба, чего я сегодня видел!

— Чего ты видел, Вань?

— Да на базаре х... продают.

— Как?

— Оттягивают их, кому надо подлиннее, а ещё загибают.

Баба-то расходилась вся:

— А сколько стоит?

— Да пятнадцать рублей.

— Сходи ка, мужик, быстрее, купи, оттяни да загни.

Мужик взял пятнадцать рублей, пошёл и пропил их сразу. Приходит домой, да с порога сразу бабе и говорит: «У всех бабы как бабы, а тебе ещё оттяни, да ещё загни. Оттянуть-то оттянули, а как стали загибать, так он и обломился».

Семь копеек яичко

Жили дедушку с бабушкой. Вдвоём, в квартире. Пенсии не хватает. Старик и говорит: «Старуха, я пойду сегодня своё добро сдавать, денег-то нет, дак своё добро сдам». — «Ну, иди, старик». Старик пришёл туда, где это добро принимают. Приходит. «Чего, дедушко, пришёл?» — «А чё, жить нечем, дак пришел своё добро сдавать». А эта, которая принимает, женщина, выходит с бумагой, с карандашом и говорит: «У тебя семь копеек одно яичко, а пустышка три копейки, всего значит семнадцать копеек». А чё — старик, чё ему там осталось. Приходит домой: «Ой, старуха, чё это, прямо беда дешёво!» — «Ну тебя к чертовой матери, завтра я сама пойду». Ночевали, назавтрие старуха пошла сдавать своё добро. Приходит туда, баба опять вышла. Проверила и говорит: «О, бабушка, да у тебя богатое». Хоть шёрканая норка, да двадцать пять рублей стоит». Вот как. А мужики как вроде дешёвка, а мы дороже...

Красная площадь

Весь век старик со старухой прожил, а не видал у её. В бане не бывали вместе, а бывали, дак тёмно, и она не видала там, чё

у кого есть, и он не видал, хоть детей нарастили. А тут лежат. Старик на диване развалился, она подметает пол. А раньше штаны-то не носили: старик посмотрел, увидел ж... и рассмеялся. «Чего, как дивный жеребец, заржал?» Старик и говорит: «Старая, ты как домна стала. Да что мы с тобой прожили, вот я как посмотрел на домну-то, подумал, что ты у меня не видала, я тоже у тебя не видал. Детей нарастили, внучата большие». — «Я тоже не видала у тебя, — говорит старуха. — Также охота бы посмотреть». — «Сначала ты». Старая подол подняла, как взглянул туда старикашка: «Ой, бабка, у тебя там целая Красная площадь, а посередке штихилёк, дак тоже — как мавзолей». Она говорит: «Ладно-ладно, показывай своё, чего у тебя путное. Сымай, старик, показывай». Расстегнул. Она как взглянула, так и плюнула. «Чего ты? Я не плевался». Бабка смеётся: «У меня Красная площадь да ещё мавзолей есть. А чего у тебя путное-то? Два мешка картошки и сторож посередке, и тот вниз головой стоит».

Стиральная машина

Мужик с бабой живут. Уже ребята выросли большие: одному шесть, другому семь исполнилось, а мужику так захотелось опять.

- Ну, Машка, дай да дай.

- Да подожди ты, Ванька, уснут ребята, тогда хоть всю ночь пили. Давай будем говорить с тобой кодом, как я только буду готова, сразу скажу: «Стиральная машина заработала».

Все хорошо. Ну, ладно, спят. Она утром его в бок тычет:

- Вань, стиральная машина заработала.

- Да пошла ты, Машка, со своей стиральной машиной, я ночью всё вручную постирал.

Пусть стоит

Пьяница один приходит домой, а офицер-капитан. Жена уж заранее ему водку наливает, стакан. Капитан как заходит, сразу хватается за стакан, пить. Жена ему в этот раз говорит: «Не тронь, пусть стоит». Ругается. Ладно. Так и не дала ему пить, пьяной пришёл потому. Легли спать. Жена-та руку ему сунула, спрашивает: «У тебя там что-то имеется?». А офицер-капитан отвечает: «Не тронь, пусть стоит». Тогда она ему и отвечает: «Ну, ладно, тогда пей сколь хочешь и я буду сколь хочу».

Все с Ленинграда

Шла машина грузовая, а в кузове кто как сидел. А раньше штаны-то не носили, бабы-то так и едут безо штанов. Мужик сидит один. Тут бабу посадили. Она хлоп, и села к нему на колени. Он тыкнулся сзади-то: «Ого. Ты откуда?» — «С Ленинграда. А ты откуда?» — «Я тоже с Ленинграда». А машина трясётся, баба тоже, попала на его, а машину подбрасывает, вот она и говорит: «Как я рада, все с Ленинграда! Как я рада, все с Ленинграда! Как я рада, все с Ленинграда!»

Сорока

Ехали в поезде женщина и мужчина. Сидят они, едут, никого. Она его дураком назвала, а он её сорокой. Ну, сорока и сорока. Приезжает домой эта женщина, спрашивает у своего мужа:

- Ваня, вот со мной мужик ехал, я его дураком назвала, а он меня сорокой, что такое сорока?

- А это — этому дала, этому дала, а этому не дала, не дала, не дала...

Вся Ивановна наружу

Солдат с армии шёл, подходит к деревне, там баба на мостках бельё полощет, стала на карачках — вся Ивановна наружу. Он не утерпел, шутка в деле — двадцать лет бабу не пробовал, сзади подкрался, штаны скинул и давай её шворить**. Шворит, шворит, баба как ни в чём не бывало тряпки в воде свищет. Он охотку сдёрнул, дальше пошёл как ни в чём не бывало.

На гумне

Парень девку на гумно увёл: «Пойдём, пошабаркамся». Привел. А тамо свинья полезла, меж мешки легла, спит. Вот парень девку на мешке-то повалил, уговариват: «Давай сзаде». — «Нет, давай спереди». Ладно. Шворятся, а свинье-то неловко, видно, стало, она пошевелилася, оне испужались оба, у их и заклинило — не могут разлипиться. Маялись, маялись, чё делать, приходится так и идти домой. Идут, неловко ведь парню задом-то

наперёд идти, он идёт ругаться: «Не послушала, косая п...да, шли бы топере друг за другом».

Всю перекосило

Брата с сестрой родители нарядили лошадь запрягать да на мельницу ехать. Ладно, вышли, стали запрягать. Парень-от мешки в сани кладёт, девка хомут надела, давай затягать. А туго идёт, не хватат у девки сил. Брат-от ей и говорит: «Уприся ладом** в хомут-от ногой да и затягивай». Девка так и сделала. А чё, раньше штаны-те не были, вся мохнатка наголе. Девка спрашивает у парня-то: «Погляди, как вышло — прямо, непрямо (это она про хомут). Парень-от поглядел, увидел и говорит: «Всю перекосило».

Баранки помогли

У одного мужика беда долгой был. Какую бабу себе не возьмёт, она спустя которо-то время умирает. Он горюет, не знат, как ему жить. Стоко баб издержал. Тут научили его: есть, говорят, такая баба. Свели его. Вот они живут, не нарадуются. А как поладились-то — баба перво ему надевала на конец-от баранки, сначала штук десять, потом девять, потом восемь, чтоб весь-то в ее не лез. Так и научились. Недаром говорится — привыкнет морда к кулаку, баба к мужику, привыкнет конь к узде, а х... к п...

Ухаживал с пряниками

Парень всё девку обхаживал, уговаривал. Она ему всё не даёт. Ему велят: «Ты купи ей пряники и корми её пряниками». Ладно. Принёс фунта два, сидят, он её потшует. Кормил, кормил, потом и спрашивает: «Ну чё, Манька, тожно ты чё-нибудь чувствуешь?» — «Ага, чувствую». — «И чё?» — «Ср...ть захотела».

Два друга

Были два друга пьяницы. Пошли раз пировать в другу деревню. Угостились там сильнейшим образом, пошли кое-как домой. А чё-то с парнями местными поругались. Идут, значит. Дошли до леска, тут и свалились, уснули. Тут эти парни и пришли, нашли их, решили с ими пошутить. Штаны с их сняли и

туды прямо, в штаны-те, поср..ли. Утром друзья просыпаются. Один спрашивает: «Беда голова болит, да ещё одна беда — с задницей чё-то стало». Другой-то отвечает: «Я тоже обоср..ся!» Вот такие друзья-товарищи.

Божий промысел

Ходили нищие. Нищий один ходил, Христа ради просил, а женщина ходила со внуком. Отца убили, мать умерла, он беспризорной. Бабушка подобрала его, а чем кормить его будет, не знает: «Вот сейчас чем я кормить вас буду, у меня ничего нету». Ходят, просят, совстретились со стариком. Нищий старик-от спрашивает женщину: «Вы двое ходите, так, наверно, много денег». А раньше нищие ходили, просили, куды они хлеб дедали — продавали, придут ко христианам, а у нас-то христиана хлеб покупали — мама высушит его, коням скормит. Копеечки нету, мёрзнем, устали все, мужик-от и говорит:

— А у меня так полный карман. Карман нутряной перевязан, денег полон, давай, мать, вместе будем. Как тебя-то зовут?

— Ой да, у нас имя нехорошие, да какие священник дал: Усяруся да Усралка.

Ночевали на фатере втроём. Бабе надо было деньги его, тридцать рублей. Надо чем-то срезать карман, ничего не увидела: у стола полка, у полка тута полка, а это уже вилошница — вилки класть, ложки, ножик. Баба уследила это всё, ночью тихонько сходила, ножик взяла, карман обрезаала. Вот такие вот Усралка и Усяруся.

Уся да Руся

Дядя Ваня жил в Ленинграде. Идёт по Ленинграду, тут идёт дамочка с чемоданчиком. И вдруг у неё чемоданчик открывается, а оттуда две собачки выскакивают. Дядя Ваня-то всё видел. И собачек-то звали одну Уся, а другую Руся. И дамочка стала кричать: «Уся, Руся, в чемодан! Уся, Руся, в чемодан!»

Катя и солдат

Катя была царица, беда е..ливая. Штаны нарошные** в армии завела, чтоб у солдатиков всё оттягивало. Состроит их ря-

дочком, сама идёт, выглядывает, у кого больше. Выглядит и к себе призывает в номера. Так и жила. Вот и приглядела одного, занимаются с им. А ейный мужик ревновитой был, он говорит: **счас мы с твоим хахарем** соревнование устроим. Кто на своей орудии ведро с водой дальше унесёт, тому Катя и доставайся.** Ладно, сделались тако. Вот мужик Катин всё пронёс, нормально. А солдатик не сдюжил под конец, ведро вот-вот спадёт. Катя недолго думавши скидывает с себя всё и перед солдатиком стоит. Конечно, у его сразу дело направилось.

Наташа на балу

Была Наташа, красивая. Вот бал стал, музыка. Ее приглашает один офицерик. Танцуют, танцуют, он и не знает, как к ей подступиться. А охота бы ей значит вдудулить. Придумал. Полот как зеркальной был, всё хорошо видно с полу-ту. Он поглядел-поглядел на пол и говорит: **«Хочете, я угадаю, в каких таких вы сегодня трусиках?» — «В каких?» — «В беленьких».** В другой раз то же самое. Отгадал, что в черненьких трусиках. Ну, Наташа придумала своё. В третий раз снова бал, танцуют. Наташа и говорит: **«Отгадай».** Он глядел-глядел, да и говорит: **«Сегодня белые трусики с черной заплаткой».** Не отгадал.

Князева наука

Пошел князь Львов свои владения осматривать. Его встречает плотяной (смотритель плотины). Князь хотел было присесть. Ставит чурку, а плотяной в струну вытянулся и ему говорит: **«Князь, засеретесь».** Князь не может понять, в чем дело-то. Ладно, берёт другую чурку. Только хотел на неё присесть, а плотяной ему опять, хоть и неудобно, а по-другому-то не может сказать: князь, мол, обсеретесь. Смекнул тогда князь, в чём дело, и говорит плотяному: **«Надо говорить не «обсеретесь», а «запачкаетесь серой»...**

Прибавка к хозяйству

Князь Львов вместе со своей семьёй каждую субботу обходил завод, так он каждый день обходил, но в субботу строго всей семьёй. Там ему все кланялись, и он всем кланялся. В Елизаве-

тово был прокатный цех железа, а в Пожве был прокатный стан проволоки. Князь ходил смотреть. Один мужик поспорил с другими за три четверти вина, что он покажет княгине все свое хозяйство. Никто не знает, как он это сделает. А мужик был шуровщиком — шуровал печи. А там печь горячая, бакены такие огромные, мужик шурует, будто не замечает ни князя, ни его жены. Они пришли, смотрят всё. Мужик прошуровал да подолом фартука взял да и начал вытирать лицо. А штаны-то не одел — всё хозяйство и вывалилось наружу. Княгиня: «Шуршур», — князю на ухо. Они сразу развернулись и ушли. Через несколько дней вызывают мужика к князю, а там же на дворе были лавка и бак, провинившийся ложился на лавку за наказанием. Ага, мужик пал духом: пороть, а чё. Пришёл к князю в кабинет, а князь сразу увёл его, там гостинка была, и говорит: «Вы очень обносились, вот вам костюм». Мужик прибежал радостный: князев костюм да ещё три четверти водки выиграл.

Кто в чём

Пушкин с Лермонтовым пошли купаться на речку. Пушкин думал-думал: «Ага. Ср..ть охота». Вышел на берег, наср...л Лермонтову в шляпу. Обратно в речку, купаются. Тутто девки идут. Лермонтов выбежал, давай быстрее одеваться, а Пушкин в воде стоит. Лермонтов раз шляпу, а из шляпы-то и потекло, прямо по лицу. Лермонтов решил подшутить над Пушкиным, говорит девкам: «Пушкин у нас в воде по самые м..де». А тот отвечает: «А Лермонтов в г..не по уши».

Ни слуху ни духу

В клубе дело. Пушкин пришел — никого в клубе нету. Он под лавку спрятался, сидит. Тутто дамы пришли, сели. Сидят, разговаривают: «Мы пришли, а от Лександра Сергеевича ни слуху ни духу». А Пушкин как п..нет, да и сказал: «Вот вам и дух, и слух».

Катя на катере

Пушкин пошёл купаться на пруду у Кати, у царицы. Купается. А охранники смотрят. Увидели: Пушкин в пруд посс...л. Они докладывают: «Пушкин воду спортил в пруду». Катя в свой ка-

тер, к ему. Подплывает, говорит: «Если чего-нибудь в стихах скажешь хорошее, ниче не будет». Пушкин вышел на мелко место да недолго думавши: «Я в воде — по м...де, а Катя на катере — катись к е... матери».

Два поэта были

Пушкин с Лермонтовым пошли в столовую. Сидят, кушают. Лермонтов решил подшутить над Пушкиным. Тот только отвернулся, он раз ему касторку в суп. А Пушкин это же задумал. Только Лермонтов отвернулся, он раз ему тоже касторку. Потом вышли на улицу, идут. Раз — Пушкин в кусты, сидит, ср..т. Лермонтов идёт, смеётся: «Пылит дорожка, зелёные кусты». А Пушкин отвечает меж кустами: «Обожди немножко, обс...ся и ты». Два поэта были. Друг друга обижали.

Доктор дак доктор

Пришла бабушка к врачу. «Чего болит?» — спрашивает доктор. «А ты доктор, ты и смотри», — говорит бабушка. Посмотрел, посмотрел, ничего понять не может. Ничего не нашёл, отправил бабушку к другому врачу. «Чего болит?» — спрашивает тот. — «А ты доктор, ты и смотри». Посмотрел, ничего определить не смог. «Ну-ка, бабушка, открой рот», — говорит. Бабушка открыла. Доктор заглянул: «О, бабушка, да у тебя геморрой». — Вот доктор дак доктор, в рот глядел, а ж... увидел.

Заяц-хвастун

Заяц хвастун был, как-то раз лисе говорит: «Лиса, я тебя вые...». — «Как же ты меня вые..., косой?» Спорили, спорили, она за зайцем, заяц бежать. А хитрый был, видит: берёза вилавая, с отростелями, сквозь их и прыгнул. Лиса за ним, да в елани-то застряла. Заяц сзади подходит: «Я сказал, вые...». Лиса взмолилася: «Косой, ты хоть племя-то не порти».

Месть зайца

Мишка, значит, обидел зайца. Косой думает, как ему отомстить, медведю-то. Вот идёт, смотрит: на поляне городские приехали охотиться. Все ружья оставили, спят пьяные. Заяц: «Ага, заур, ружьё. Сейчас, мишка, ты у меня получишь». Только ру-

жье взял, ну, давеча посмотрел: всё, ружье не заряжено. Ну, думает, всё равно напугаю его. Смотрит: мишка идёт. «Ага, мишка, стоп, конец тебе сегодня пришёл. Ещё только ногу отпустишь, я курок отпускаю». Косолапый молился, молился:

— Где ты, заяц, ружьё-то хоть взял?

— А это не твоё дело, только отпустишь ногу, капец тебе.

Мишка молился, молился. Ну, у зайца душа тёплая: «Мишка, мать-перемать, а ведь ружьё-то не заряжено». Медведь хватает ружье и им себе ж.. вытирает: «Вот до чего твои шутки доводят, косой». Медведь-то обоср...ся.

Таракан да блоха

Идут таракан и блоха по дороге. Таракан говорит блохе: «Туча надвигается, дождь будет. Надо скрыться». Блоха спрашивает: «Куда скроемся?» — «Обожди, кума. Вот баба лежит голая, ты зайдёшь туда, а я туда, в ж...». Пошли. Блоха туда заходит, а таракан в ж.... Всё, спрятались. Как раз идет мужик, такой же разьё... Баба лежит, ну, он её, раз, и натянул. Блоха-то там, а таракан в другом месте. Всё, отшуровал мужик, всё сделал. Таракан вылезит: «Кума, вылазь, погода направляется, пошли дальше». Идут, таракан спрашивает: «Ну, как, кума?» — «Ой, х...во. Токо я зашла, хозяин домой пришёл и меня стал ловить, гонял, гонял из угла в угол. Поймать-то не мог поймать, плюнул, вышел и ушёл». Таракан говорит: «А ко мне стучался, стучался — я не пустил».

Горох до неба

Бабка просила у деда горошку, спасу нет. Ну, дед не мог муки терпеть, посадил горох в голбец. Пердит да растёт, пердит да растёт, и дорос до потолка. На потолке сделали дыру. Горох полез туда дальше. Там крышу прорубили — он дальше полез. Бабка говорит: «Ой, я горошку хочу. Дед, сплети лесенку, я хоть горошку поём». Ну, дед сплёл и говорит:» Смотри, бабка, не перди. Как пернешь, так и лесенку порвёшь. «Взяли, ж... пробкой заткнули старухе. Ну, старуха-то полезла, а у её живот-от вспучило. Как она пёрнула — и горошка не поела, лесенка порвалась, она и пала. А горох-от был уж стручевойтой.

ЗАГОВОРЫ

Заговор свекрови

Во время свадьбы, на второй день, свекровь со свёкром ведут в баню. Свекровь парят по рукам и ногам и говорят: «Как-то матушка бела берёза в поле стояла, её скосили, срубили, она посохла, поблекла, так не оживай, не отрастай ни на старом месяцу, ни на новом месяцу, также бы и у раба Божья не вставало, не отрастало, ни на старом месяцу, ни на новом месяцу, также и ты раба Божья Ангелина не заживай, не отрастай, ни на старом месяцу, ни на новом месяцу, будьте мои слова крепки и лепки, крепче камня булатного, во имя Отца и Сына, Духа Святого, х... косога».

Заговор свёкру

Во время свадьбы, когда ведут в баню свекра, парят и говорят: «Как ты, матушка протошная вода, бежишь ты, не застаиваешься ни в пенях, ни в кореньях, ни в жёлтых песках, ни в крутых берегах, ты моешь жёлтые песка, крутые берега, так и смой, сплочи с раба Божия (имя рек) дневные уроки**, ночные уроки, дневной переполох, ночной переполох, полуденный, жгучий, палючий, скрипучий из рук, из ног, из х..., из п..., из печени-горечи. Да будьте мысля крепки и лепки, крепче камня булатного, во имя Отца и Сына и Святого Духа, п... без глаз, помилуй нас. Тьфу!

Заговоры мужу

1. Чтоб муж на сторону не ходил, в чашку с водой ставят ножницы острыми концами вниз и крутят их по часовой стрелке со словами: «Ко мне концом, к другим кольцом».

2. Когда муж, которого жена подозревает в измене, уходя из дому, проходит в дверь, жена шепчет слова: «Сам уходи, а х...-то дома оставь».

3. Косяки на месте, двери на месте,
Солнце на месте, будь х... при постели.

4. Как гребешок у петуха стоит, так бы и х... у раба Божия (имя рек) стоял.

Заговор для насылания мужского бессилия

Наговаривают на верёвку от церковного колокола: «Как вер-
вё не подынается, так бы и у раба Божия на рабицу (имя рек)
х... не подынался.

Чтобы лучше ковалось железо

Муки-мукоморы, пошли щепки за грибами,
Пошла пипка через лог, нашла красненький грибок,
Нашла красненький грибок, села на пенёк,
Села-поглядела, промеж ног посмотрела,
Целка-целка, проскочила цевка**,
Да сена охапка, да попова шапка,
Да крестьянский мешок, не хватило на вершок.
Твёрдо. Аминь.

ЗАГАДКИ¹

Игогоньница поспела —
Ерохвоститься** пора (*Баня*)

Плешь — на плешь, на плешь капнешь,
Потом возьмёшь да и в дырку пихнёшь (*Блины пекут и едят*)

Шая-мая — вот такая, шунтик-мунтик — вот такой,
Чинчик-винчик — едакой** (*Бочка, в бочке ковш с ручкой*)

Щупаю по лавке, нащупаю мохнатку,
На мохнатке дыра — пихать пора (*Варежка*)

Девушка худенька, дырочка маленька,
пятеро держат, пятеро пихают, двое соглядаяют
(пятеро толкали, не смогли затолкать,
помуслили, покатали, двое затолкали)
(*Игла и пальцы, вдевают нитку*)

Милый мой зелёный Ваня как меня нашваривал,
Олежачки, остоячки меж ног заяривал (*Веник в бане*)

Как бы не шунтик-пантик,
Заросла бы шунтя-пантя (*Веник, пол подметают*)

Кончик потыркат-потыркат,
да вперёд уйдёт (*Веретено на прялке*)

Сидит баба на юру, расщеперила дыру.
Весь мир кормит — сама голодна (*Водяная мельница*)

Серенький да маленький,
Круг его лохматенько (*Глаз*)

¹Представленные в разделе загадки из собрания И. А. Подюкова в основном опубликованы ранее в сборнике «Русский эротический фольклор» (М.: Ладомир, 1995). Частично они дополнены материалами из собрания С. В. Хоробрых.

Есть такой вопрос, весь мохом оброс.
Придет беда — побежит вода (*Глаза*)

Два яблочка во мху, морковка наверху (*Глаза и нос*)

Стару бабу всяк — за пуп да за пуп (*Дверная скоба*)

Маленький, горбатенький, весь день болтается,
К ночи в дырочку спускается (*Дверной крючок*)

Посередь поля стоит корова — дыра готова.
Пришёл бык, корову тык, корова — мык, спасибо, бык (*Замок*)

Проти клети** на повети** парень девку чивилиял.
Чивилиял, чивилиял, чивилиялку потерял
(*Замок, когда его открывают*)

Над повитью против клити
Парень девку ергозил.
Ергозил-ергозил, ергозилку засадил (*Замок с ключом*)

Дедушко-Максим, бабушка-Варвара,
Дедушко спустил, бабушка зажала (*Замок ключом открывают*)

Студёненко дырочка,
Горяченька пырочка (*Замочная скважина и ключ*)

Сверху черно, снизу красно,
Как засунешь, так прекрасно (*Калоши*)

Ниже пупенка, выше коленка,
Куда суют — дак как зовут? (*Карман*)

Туда-сюда-обратно — обоим приятно (*Качели*)

У дедушки свесится, у бабушки светится,
Как сойдутся — так и сошлѣпнутся
(*Колодец и колодезное ведро*)

Бес-перевес на бабу полез.
На бабе-то вспотел — на девку захотел
(*Коромысло; принесли воду, положили его на лавку*)

Чем потолще да длинней, тем для девушки милей (*Коса*)

Брюхом трёшь, ногами прёшь,
Разинешь — пихнёшь, выдернешь, щёлкнешь
(*Кроснами ткут*)

Он и трёт, он и мнёт,
А она хохочет да ещё хочет (*Льномаялка*)

Дедушко на бабушке — шир да шир.
Соскочит да поточит — да опять шир да шир
(*Мутовкой в квашне мешают*)

Бабье ремесло кругом шерстью обросло.
Посередине — дыра, туда засунуть пора —
Голое да кривое (*Носок и нога*)

Кабы у дедушки не шинтик-пынтик,
У баушки заросла бы шантя-пантя (*Пешня и прорубь*)

Дедушко на бабушке — ярык да ярык.
Не в ту дырку попал, в голбец упал
(*Помелом в печи подметают*)

И хочется, и колется, и кровь текёт.
Молодая девка первый раз даёт
(*Прокалывают уши для сереёжек*)

Хвать за хохолок — да и поволок
(*Прядут куделю и сматывают на веретено*)

Бабье ремесло всё мохом заросло (*Прялка с куделей*)

Целовал-миловал — нет пути.
Повалил, запихал — в путь пошло (*Ребенок грудь берёт*)

Стоит поп на мосту,
Кричит — всех обостю! (*Самовар*)

Как у девушки-молодки загорелось в серёдке,
А у парня-молодца побежало из конца (*Самовар закипел*)

Стоит Марья под горой, пришёл к ей парень молодой.
— Парень, лезь на меня. Ты начупкашься, ты нахрупкашься
(*Сидя на дереве, рвать и есть черёмуху*)

По локоть лохмато, по локоть голо,
по локоть под холку ушло (*Сидят на прялке*)

Шёрстка к шёрстке, тело к телу,
Начинается ночное дело (*Сон*)

Брат сестру прижал к шестку:
— Давай, сестра, пошабаркамся**!
(*Спичка и спичечный коробок*)

С вечеру заёркалось, с полночи задёргалось,
К утру конец устал и ходить перестал
(*Тесто в квашне поднимается*)

Встану я рано, пойду к Роману,
К большой голове, к седой бороде;
За конец его хватать — из его бежать да бежать (*Умывальник*)

Весится, болтается,
Всяк за его хватается (*Умывальник*)

Брат сестру прижал к костру.
Сестра хохочет — ещё хочет (*Ухват и сковородка на огне*)

Росло-росло-сповыросло, из штанов повылезло,
Красной девке повыказалось (*Ягода клюква*)

В красненькой п....шке беленький х...ёк (*Ягода малина*)

Брюхом давишь, ногами скёшь,
Сунешь, вынешь и щёлкнешь (*Ткацкий станок*)

Из штанного, из карманного
Вынималась такая вещь,
Которая вершков шесть,
Прикладывалась к той части,
Которая вся в шерсти. (*Трубка курительная*)

Шёл мужик попу кивал,
Палочкой постукивал.
Чем мужик попу кивал? (*Головой*)

Шла старушка садом,
Отворила калитку задом.
Чем думаешь? (*Головой*)

Шла баба с тестом, упала мягким местом.
Чем ты думаешь? (*Головой*)

У бабы две, у девки одна, у мужика ни одной.
У бабы в серёдке, у девки сзади (*Буква «а»*)

Загадка-сказка

Жили старик со старухой. Звали их — что спереди, что сзади. Построили жилище — что спереди, что сзади. Посадили растение, что спереди, что сзади. Выросло у них — что спереди, что сзади. (*Тит, Анна, шалаш, боб, шиш*)

ПЕСНИ

Свадебная песня жениху

Кому чару пить, кому выпивать?
Ой, пить чару да выпивать чару
Что же Анатолию Ивановичу.
Что ведь Людина п... да на дёнышке лежит,
Она плешется, она полошется,
На дыбочки встаёт,
Да под лобок достаёт.
Ой, ура, ура, ура,
Да выпить рюмочку пора — да до дна.

Свадебная песня невесте

Кому чару пить, кому выпивать?
Ой, пить чару да выпивать чару
Что же Людмиле Ивановне.
Что ведь Толины муде да на дёнышке лежат,
Они плешутся, они полошутся,
На дыбочки встают,
Да под лобок достают.
Ой, ура, ура, ура,
Да выпить рюмочку пора — да до дна.

Свадебная песня холостому дружке

Ещё кто у нас не женат,
Не женат, не женат, то-то люли, не женат.
Ещё кто у нас холостой,
Холостой, холостой, то-то люли, холостой.
Анатолий не женат,
Не женат, не женат, то-то люли, не женат.
Иванович холостой,
Холостой, холостой, то-то люли, холостой.
Во платочке три узла,
Три узла, три узла, то-то люли, три узла.
В первом узле белила,
Белила, белила, то-то люли, белила.

А в другом узле румяна,
Румяна, румяна, то-то люли, румяна.
В третьем узле любовик,
Любовик, любовик, то-то люли, любовик.
— Зачем тебе белила,
Белила, белила, то-то люли, белила?
— Чтобы личико побеля,
Побеля, побеля, то-то люли, побеля.
— Зачем тебе румяна,
Румяна, румяна, то-то люли, румяна?
— Чтобы личико поаля,
Поаля, поаля, то-то люли, поаля.
— Зачем тебе любовик,
Любовик, любовик, то-то люли, любовик?
— Чтобы девушки любили,
Любили, любили, то-то люли, любили.
На колени садили,
Садил, садил, то-то люли, садил.
Целоваться учили,
Учили, учили, то-то люли, учили.

Как Иванка...

Как Иванка на буланке приворачивает к баньке,
Как в этой банюшке родинка лежит,
Как у этой у родинки три бабушки.
Одна парит, другая жарит, третья жару подаёт.
Третья жару подаёт да грехи спрашивает:
— Ты скажи мене, молодка, со какого ты числа,
Со какого ты числа своё чадо понесла?
— Что со первого числа, с Семика-блядуна,
Со второго-то числа, с суки Масленицы.

Во ку-, во кузнице

Во ку-, во кузнице,
Во кузенке молодые кузнецы.
Они, они куют,
Они куют, приговаривают,
К себе, к себе Дуню,
К себе Дуню приговаривают:

— Пойдём, пойдём Дуня,
Пойдём, Дуня, во лесок, во лесок,
Сорвём, сорвём, Дуня,
Сорвём, Дуня, лопушок, лопушок,
Под са-, под саменький,
Под саменький корешок, корешок.
Сошьём, сошьём, Дуня,
Сошьём, Дуня, сарафан, сарафан,
По са-, по саменьким
По саменьким по пятам, по пятам..
Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, не марай, не марай,
В коро-, в коробочку,
В коробочку закрывай, закрывай.
В коро-, в коробочке,
В коробочке таракан, таракан
Проел, проел Дуне,
Проел Дуне сарафан, сарафан
Над са-, над самою,
Над самою над дырой, над дырой,
По-русскому — над п....й, над п....й.
Нельзя, нельзя Дуне,
Нельзя Дуне во беседушку ходить,
Не в пир, не в мир Дуне,
Ни в беседу, ни в беседу веселу.

Саввушка

— Саввушка, где ты был?
— На базаре, бабушка.
— Что там делал, Саввушка?
— Девочек е..л, бабушка.
— Сколько штук, Саввушка?
— Штук полсотни, бабушка.
— А что так мало, Саввушка?
— Да х... сломался, бабушка.

Синтетюриха

Синтетюриха телегу продала,
На те деньги балалайку завела.

Балалаечка наигрывает, Синтетюриха приплясывает.
Синя юбка раздувается, Синтетюриха ругается.
Ещё черти горох толкли да угорели, на порог легли.
Ещё бабушка Сидоровна да высоко ноги закидывала,
Не ходила ни в сохе, ни в борозде,
Не давала ни сзаде, ни спереде.
А другая позавидовала, ещё выше позакидывала,
И ходила и в сохе, и в борозде,
И давала и сзаде, и спереде.

Пошли девки на работу...

Пошли девки на работу,
На работу, кума, на работу.
На работе припотели,
Припотели, кума, припотели,
Покупаться захотели,
Захотели, кума, захотели.
Рубашечки поскидали,
Сами в воду, кума, поскакали.
Не откуль да взялся вор Игнашка,
Вор Игнашка, кума, вор Игнашка,
Собрал девичьи рубашки,
Вот рубашки, кума, вот рубашки.
Одна девка посмелее,
Посмелее, кума, посмелее,
За Игнашкой погналася,
Погналася, кума, погналася.
- Василиса, постыдися,
Постыдися, кума, постыдися,
Ты прикрой свою «хавронью»,
Ой, «хавронью», кума, ой, «хавронью»
Своей правою ладонью.
Шёрстка в горстку не уходит,
Промеж пальчиков проходит,
Вся проходит, кума, вся проходит.
Остригу её гладенько,
Опряду её тоненько,
Свяжу милому перчатки,
Подарю ему на святки.

Там, за горами...

Там, там за горами три п... с топорами
Хотели душу погубить — х... голову срубить.
Х... испугался, на дерево забрался.
П... сихилем вильнула, х... с дерева столкнула..
Х... сел на муде и поплыл по воде.
Он догнал п... на осиновом мосту,
П... бил-колотил, п... череп проломил.
П... губочки надула, к председателю махнула:
— Председатель-голова, рассуди наши дела.
Председатель рассудил: п... на х... посадил.

Пойду выйду я, младенька....

Пойду выйду да я, младенька, в зелёную рощу,
Я сповырублю из рощи тоненьку дощечку.
Я сподоблю из дощечки звончатые гусли.
Вы взыграйте, гусли-мусли, любимую песню,
Что на новых-то на сенях коечка тесова,
Что на коечке тесовой перина пухова.
Спорожу я тебе дочку, как белу лебедку,
Спорожу я тебе сына, как белого сыра,
Спорожу я тебе дочь шити, вышивати,
Спорожу я тебе сына грамоту учить.

Ром, ром, ром дак и ром

Деревенька не малая, солдатами занятая,
Ром, ром, ром дак и ром,
Солдатами занятая, на квартире солдат Яшка,
Ром, ром, ром дак и ром,
У его жена Наташка, она щёгольски ходила,
Ром, ром, ром дак и ром,
Она щёгольски ходила, по три бани в день топила,
Ром, ром, ром дак и ром,
По три бани в день топила, по три щёлока варила,
Ром, ром, ром дак и ром,
По три щёлока варила, по три мыла измывала,

Ром, ром, ром дак и ром,
По три мыла измывала, по три платья в день меняла,
Ром, ром, ром дак и ром,
По три платья в день меняла, четвёртую душегрейку,
Ром, ром, ром дак и ром,
Четвёртую душегрейку, спать ложилась на скамейку,
Ром, ром, ром дак и ром,
Спать ложилась на скамейку, тут уж Яшка сдогадался,
Ром, ром, ром дак и ром,
Тут уж Яшка сдогадался, на Наташеньку взобрался,
Ром, ром, ром дак и ром.

Вот под вербою

Вот под вербою, да под крутой, под зелёною,
Тут и Аннуша играла, тут и Дунича играла,
Семи картами бросала, королями козыряла,
Прикозыривала, выкозыривала,
Прикозыривала, выкозыривала.
Приходил к ней батюшка,
Приходил к ней да свет родной:
— Полно, Аннуша, играть, полно, Дунича, играть.
Семи картами бросать, козырями козырять,
Выкозыривати, прикозыривати.
— Не стювай меня, батюшка,
Не стювай меня, свет родной.
Я сыграла, я сыграла, молодого обыграла,
Хоть драгун молодой, да и конь вороной,
Чулки шелковые, полушелковые.
На горе было, да под вербою,
На крутой горе, под зелёною,
Там, где Аннуша играла, семи картами бросала,
Козырями козыряла,
Выкозыривала да прикозыривала,
Приходил к ней батюшка,
Да приходил к ней свет родной:
— Полно, Аннуша, играть, полно, Дунича, играть,
Семи картами бросать, козырями козырять,
Выкозыривати да прикозыривати.

— Ты стювай меня, батюшка,
Да ты стювай меня, родненький,
Меня драгун обыграл, молодой обыграл,
С меня юбку снял, под себя послал,
Чтобы мягче спать да веселя встать.

Ой, бывало я...

Ой, бывало я да всем подмахивала
Да из окно в окно платочком беленьким.
Ох, и трудно было мне, когда лежал на мне
Да растолстой-толстой пододеяльничек.
А как жалко было мне, когда ломал у меня
Да под окном моим да куст сиреневый.
А теперь у меня шире маминой
Сарафанчик-от да накрахмаленный.
А теперь у него да не стоит давно
Да у ворот моих да конь вороненькой.

Парень ходит, парень ходит...

Парень ходит, парень ходит, у девоньки просит:
— Дай, девчушка-разболюшка, что-то сотворити.
Нельзя, нельзя парню дати, нельзя отказати.
— Тебе, миленькой, забава, мне худая слава.
Нельзя, нельзя парню дати, нельзя отказати.
Девчонушка согласилась, парню посулилась.
Они сели, посидели, легли, полежали.
Девчонушка час от часу стала прибывати,
А родная её мать стала замечати:
— Ой ты, чадо, моё чадо, чем ты нездорова?
— В поле были, горох или, червоточка съела.
Уродился червоточек с ручками, с ногами,
Со руками, со ногами, с буйной головой,
Он со буйной головой, да настоящий милый мой.

Посадили репку, не густу, не редку...

Посадили репку, не густу, не редку,
Дулась, дулась, повернулась,
Не густа, не редка,
Дулась, дулась, повернулась,

Не густа, не редка.
Как на эту репку повадились воры,
Дулась, дулась, повернулась,
Повадились воры.
Дулась, дулась, повернулась,
Повадились воры.
Воры не чужие, все свои — родные,
Дулась, дулась, повернулась,
Все свои — родные.
Дулась, дулась, повернулась,
До зелёной рощи.
Поволок зять тещу во зелёну рощу.
Дулась, дулась, повернулась,
Во зелёну рощу.
Повалил зять тещу во зелёне роще,
Головой меж пеня, ж...й меж коренья.
Дулась, дулась, повернулась,
Ж...й меж коренья.
Вот тебе, теща, зелёная роща,
Дулась, дулась, повернулась,
Зелёная роща,
Дулась, дулась, повернулась,
Зелёная роща.

Научилась Дуня...

Научилась Дуняша шаловать-баловать,
Часто по воду ходить.
Часто по воду ходила,
Между двор воду лила,
Меж Иванова двора.
Вот приснился Дуне сон,
Будто Ванюша пришёл,
Ко кровати подошёл,
Соболино одеялышко раскидывает,
Шиты-браны занавесочки раздёргивает,
Своё белое перо вынимает наголо.
Начал Ванюша писать,
Начала Дуня кричать.

— Ты Дуняша не кричи,
Хоть маленько помолчи,
Когда серьги в уши вдеют,
Завсегда больно живёт.
Когда целочку ломают,
Завсегда больно живёт.
Оботрётся-обомнётся —
Всё по старому пойдёт.
Ж...па мохом зарастёт,
Жаровиха** нарастёт.
Налетали журавли,
Жаровиху выбрали,
Ж...пу с мохом выдрали.

Две молодушки наказывали...

Да две молодушки наказывали,
Да две девушки наговаривали:
— Не женися, не женися, молодец.
Да уж ты женишься, покаешься,
С молодой женой намаешься
Да без постели насыпаешься.
— Чижик-чижик-чижичок,
Да маленькой воробушок,
Да тюри-тюри побежал,
Да куды-куды побежал?»
— Я от моря до моря,
До океана-города,
Где татары-то секутся,
Где-то рубятся,
Где за речкой собачка потявкает.
Да Тимофеева жена да приговаривает:
— Уж я Тимку продам, Тимофейка продам,
Я куплю себе собачку тоненьку, маленьку,
Для дома басеньку.
— Куколки, куколки, да две куколки маленькие,
Да две головушки гладеньки,
Да жирные, бахтовые,
Да сами чернобровые.
— Фабришна-фабришна,

Да где ты долго не бывала?
— Да я по бабушкам гуляла,
Пантелеевна звала.
— Пантелей, Пантелей,
Чужу мать не жалей.
На коленки встань,
Потолок достань.
Бабушка Арина да кушала хвалила.
Иванушка Гребенский, Василий Селенский.
Под горой-то баня топится,
Что Иван в баню торопится
Ни помыться, ни попариться,
Да у девицы рыба жарится.
Эта рыба, это косточки,
Дак молоды наши подросточки.
Ох, мать, дак мамашенька,
Да скоробуния Наташенька,
Увидала два солдата из окна,
— Да вы пожалуйста, Гордеевна, сюда.
Это что такое сделалось,
Скоро булька жеребельку принесла,
Да петух отобедьянился,
Сковородник нарумянился.
На дворе-то бабы лают,
На пече собаки бают,
Под мешком петух поёт,
В синях по полу метёт.
Во зелёном во саду
Потерял мужик жену,
Шарил, шарил не нашёл,
Перематькался — ушёл.
В огороде, в борозде
Потерял мужик муде,
Шарил, щарил, не нашёл,
Без мудей домой ушёл.

Затопила Дуня баню

Затопила Дуня баню,
Созвала соседа Ваню —

В баню мыться.
— Это что у ты такое:
Длинное, мягкое, толстое?
— Это колбаса.
Если хочешь ты отведать,
Колбасы моей проведать,
На спину ложись.
Дуня мигом согласилась,
На спину она ложилась,
Ваня на неё..
И пошли у них тут вздохи,
Закусили словно блохи,
Ох, как хорошо!

Лида по лесу гуляла...

Лида по лесу гуляла,
Лида ягодку брала,
Лида ягодку брала —
Жука чёрного нашла,
Жук с руками, жук с ногами,
Жук с кудрявой головой,
Жук с кудрявой головой —
Настоящий милый мой.
Завяжу жука в платочек,
Понесу жука домой,
Дам я сахару кусочек —
Кушай, кушай, жучёк мой.
Жучек сахару не хочет,
На кроватку спать зовёт,
Жучек ползает по мне,
Ищет дырочку себе,
Жучек дырочку нашёл —
Закопировать пошёл...
Вот вам, девушки, наука —
Не берите в руки жука,
Жук наделает хлопот —
Не сойдётся ваш капот.

ЖЕНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Милый, сватайся меня, я теперь богатая:
Титьки выросли большие, куночка мохнатая.

Пошла плясать, титечки болтаются.
Интересно, эти штуки как не отрываются?

Меня милый провожал до дому, до калиточки,
Два раза поцеловал и пощупал титечки.

Юбочка борам-борам*, кофточка борам-борам,
Титьки вырастут большие, приходи, пощупать дам.

Хорошо тебе, кукушка, выше лесу куковать.
Хорошо тебе, подружка, милый ходит на кровать.

Мои ноги кривоноги, мои руки криулям*—
На черёмуху полезу, только милому не дам.

Я на мельнице была, немало начудесила:
Штаны с мельника сняла, на забор повесила.

Гармонист, гармонист, морда фиолетова,
Тебе девки не дают только из-за этого.

Из-под сахару мешочек, из-под чая сумочка,
Мой милёночек уехал — отдыхает куночка.

Кудри выются, кудри выются, кудри выются у бл..дей.
Почему они не выются у порядочных людей?!

Не ходите, девки, в лес, комары кусаются,
Самый маленький комар за п... хватается.

Не могу я утерпеть, чтобы ж... не вертеть:
Вон какая сатана — так и вертится сама.

На горе растут цветочки — голубой да аленький,
Ни за что не променяю х... большой на маленький.

Девяносто песен знаю одного характера,
Пойду милого спрошу, есть ли х... у трактора.

Ух-ух, ух-ух, залетел в манду петух,
Кукарекает, поёт, мне покоя не даёт.

Пошла плясать, новые ботиночки,
Разломилась п.... на две половиночки.

Поллитровочка вина по столу каталася,
Неужели это я без целочки осталася.

Повалили на кровать, на тесовы доски,
Стали целочку ломать, побежали слёзки.

Мне сломали целочку, а я не горюю:
На фанерном комбинате сделают другую.

Никто взамуж не берёт девушку внимательну —
Положу свою манду на книжку сберегательну.

Наварила, напекла — некому поести.
Спать легла, штаны сняла — некому полезти.

На диване семь пружин, давай, милый, полежим,
Полежим, обнимемся, потом за дело примемся.

Ох, я эту чурочку качу, качу, качу,
Ты не скидывай штанешки — я сегодня не хочу.

Девушка поёт-поёт, в платок оповязалася,
Кто бы девушку поё..., она б не отказалася.

Часики остановились, гиря до полу дошла,
У меня никто не просит, видно, старость подошла.

Я бывало всем давала по четыре раза в день,
А теперь моя давалочка ушла на бюллетень.

Оттопали ножки, отпел голосок,
Остался на куночке один волосок.

Я бывало всем давала, Шарик и Тузику,
А теперь лежу на лавке, хлопаю по пузику.

Ой, какая я была раньше интересная:
В девках девку родила, взамуж вышла честная.

Отчего и почему юбочка не сходится?
Оттого и потому — маленький заводится.

Отчего, почему юбка стала узка?
Оттого, потому — от милого нагрузка.

Эх, мать, моя мать, вот тебе наука:
Не пускала бы гулять — не было бы внука.

Ох, и скушала я жареную рыбку —
Как хоти, дорогой, к зиме надо зыбку.

Там-там, за горам, девка мается родам:
— Окаянные робята, больше разику не дам.

Что мне делать, что мне делать, что мне делать, сироте?
Съела окуня живого, шевелится в животе.

Я на речке была, поднабрызгалася —
Полна куночка ершей понатискалася.

Ой, топы-топы-топы,
Что наделали попы!
Увели монашку в лес,
Первым батюшка полез.

Ой, дед, ты мой дед, ты не знаешь моих бед:
Мне таку морковку надо, в огороде экой нет.

Ты лежи, старичок, не ворочайся:
Под тобой не вода, не обмочишься.

Дедко бабуку привязал ко старому дубу —
Пусть медведко бабуку петкат*, боле я не буду.

Старик старую старуху на семь лет подмолодил.
На п..... нарезал грядки и картошку посадил.

Старику-ту сто годов, а старухе двести.
Старик лесенку несёт — на старуху лезти.

Мимо нашего окна пронесли покойника.
У покойника стоял выше подоконника.

Не ходите, девки, в лес, там один орешник.
Не давайте гармонисту, у него с подсвешник.

У милого моего есть сучочек елевой.
Хорошо он шевелит кустик можжевеловой.

Капуста-капуста капустится,
У Миколы моего не опустится.

Я не лягу под машину, под большое колесо,
Лучше лягу под шофёра, там тепло и хорошо.

Не ругай меня, мамаша, что я шоферу дала,
Ты сама меня просила подкалымить на дрова.

Всё бы пела, всё бы пела, всё бы певочкой была,
Раз по десять в день давала, всё бы целочкой была.

Всё бы пела, всё бы пела, всё бы веселилася,
Всё б лежала под шофёром, всё бы шевелилася.

Юбка узка, юбка узка, я едва напялила,
Попросить никто не смеет, я сама навялила*.

Юбка узка, юбка узка, уже бы — не хуже бы.
Милый туго обнимает, туже бы — не хуже бы.

У кого какая баня, у меня без крышки.
У кого какой милёнок, у меня без шишки.

Шила милому штаны, не оставила дыры —
Миленькой ругается: х.. не добывается.

Мой милёнок говорит: у него давно стоит.
Что стоит и где стоит — ничего не говорит.

У меня на сарафане петухи с кукушками,
Меня в этом сарафане семеро отшушкали.

У меня на сарафане петухи да якори,
Меня в этом сарафане в среду отх...кали.

Меня милый уговаривал у каменной стены,
До того доуговаривал, сама сняла штаны.

Что-то под ноги попало — коробок со спичками,
Не успела выйти взамуж, всю п... испичкали.

Мне милёнок подарил золотые часики.
Пришлось за эти часики попрыгать на матрасике.

Я залезу на берёзу, на берёзе соловей.
Что хотите, говорите, а поё...ши веселей.

На том берегу черёмуха нагнулася.
Истопи, мамаша, баню, первый раз е..нулася.

Приходи, милой, в субботу, приходи и в среду,
Ничего не приноси, только палку спереду.

Не ругай меня, мамаша, что военному дала,
Под военным полежала — как на фронте побыла.

Мы лежали парами за нашими амбарами.
Меня милый испугал своими шароварами.

Я кальсоны полоскала, над кальсонам плакала.
Куда делася игрушка, что в кальсонах брякала?

Дура я, дура я, дура я, ворона,
Дура я: ему дала на поле, не дома.

Меня милый повалил среди болота.
— Не застегивай штаны, мне ещё охота.

Дура я: дала в крапиве — надо было на мосту.
Из-за этого мазурика изжалила п.....

Не хочу я, девки, мужа, девки, замуж не хочу.
Свою русую-кудрявую доской заколочу.

И дать — говорят, и не дать — говорят.
Лучше дать, чем не дать: всё равно говорят.

— Что ты, милый, редко ходишь, три недели не бывал.
— Дорогая моя милка, всё серёдыш зашивал.

Эх, юбка моя, юбка полосатая,
А под юбкой сидит сатана усатая.

Юбка полосатая, под юбкой волосатая,
Юбка самодельная, под юбкой штука дельная.

По деревне я каталась на кобыле без узды,
Почему так не бывает, чтобы было две п...

У попа, у попа, у попа у Федьки
Захотелось попадье вместо х... редьки.

В огороде, в борозде, потерял мужик муде.
Шарил-шарил, не нашёл, без мудей домой пошёл.

У хороших мужиков — жигули-машины.
А у наших, у худых,— на х... морщины.

На мосту стоит козёл, золотые рожки,
Парень девушку поё... за кило картошки.

Это что там шевелится в новых бархатных штанах?
Вылезает из прорехи в красной шапочке монах.

Рукава, рукава, рукава на вате.
Как я буду привыкать с милым на кровати?

Я у родной мамоньки яиц не едала,
А тепере яйца по куночке катаются.

Из колодца вода льётся, не вода, а керосин.
Где бы взять такого парня, чтоб до свадьбы не просил?

Милый в армию пошёл, я за ним вприпрыжку:
— Покажи, дорогой, напоследок «мишку».

Отдай меня, мать, замуж молодую —
Милый в армию уйдёт, а я побл.....

Кути-кути*, на пшеницу, кути-кути, на овес,
Милый в армию уехал, кутеньку с собой увёз.

Картошку копать, где моя копалка,
У Серёжки в штанах вот такая палка!

Вы не бойтесь, подруги, скоро мясо привезут.
На семнадцати подводах х... из Знаменки везут.

Чёрну юбочку порвали, новую, хорошую,
А ещё наподдавали по манде галошею.

Кунарила*-кунарила, перестала кунарить:
До того докунарила, стала кункой говорить.

Кунарила, кунарила, перестала кунарить,
Кунку в радио включила, кунка стала говорить.

Мене милый изменил, напоследочек побил,
Головёшкой отп...дарил — две недели дым валил.

Милый в армию поехал и наказывал отцу:
— Если милочка захочет, отведите к жеребцу.

У шофера я в кабиночке сижу и думаю:
Не знаю — дать, не знаю — нет, наверно, дать надумаю.

Как на каменной гряде продавал мужик муде,
Кому пару, кому две, кому палкой по манде.

По дедюхинской канаве хрен на палочке пływёт,
П... в легоньких опорочках* по бережку идёт.

Ух, ух, я петух, кто меня потопчет?
Я бы курочкой была, петуху б тогда дала.

Ой, колхозники, колхозники, колхоз не веселит,
Не у каждого колхозника с карошки х... стоит.

У Мартынихи, Мартынихи, Мартынихи мешок.
Засадил Мартын Мартынихе до самых кишок.

Трактор сеет, трактор пашет, скоро трактор будет жать,
Скоро, скоро приспособят девок трактором е...ть.

Говорят, что я старуха, я в старухи не гожусь:
Я от водки да от палки никогда не откажусь.

Что-то на ногу попало, думала, галошина.
Подняла и посмотрела: старая кунка брошена.

Мы с милёночком сидели на осиновом бревне,
У него зашевелилось, и охота стало мне.

На горе стоит больница, у больницы два креста,
Из больницы вышла девка, забинтована п...

Хули-хули, ни х...я, у нас мельница своя,
Ветер дует, х... вертит, из п... мука летит.

Пойте, девушки, припевушки, а мне не того:
Умер дедушка на бабке, надо стягивать его.

Семёновна — баба русская,
Жопа толстая — п... узкая.

А девки — ой, бабы — ой, милый мой беременной,
Левой холочкой трясёт, наверно, скоро принесёт.

Мой милёночек-бычок, отморозил свой стручок,
Он за двери — ко мне гость, у него стручок — как гвоздь.

Милый мой, милый мой, не ложись ко мне спиной,
А ложися грудью, приготовь орудию.

На поляне, на пеньке, сидит п...обедает,
А вокруг её х...ёк в «Адидасах» бегаёт.

Дедка сеял десятину, х... повесил на осину,
Ветер сильный поднялся, да х... с осины сорвался.

Я к Каме подошла, на камушек села,
Леву ножку подняла, время посмотрела.

Ой, ё...-пúшу мать, девка с печи пала,
О поганое ведро целочку сломала.

На могиле кунка свищет, х... на озере орёт
П... штихель потеряла, х... нашёл, не отдаёт.

По угору я ходила, принасвистывала,
П... козырем носила, сикель выставила.

Через речку перешла да на полянку села.
Кушай, куночка, воды, ты колбаску ела.

Ой, высоко над домами пролетает самолёт.
У меня никто не просит — разобью п... об лёд.

Меня мамочка ругает: «Где ты брюшко нажила?»
— «Во дворе коров доила, пруха* рогом добыла».

Меня милый повалил в чёрную смородину,
А я ноги подняла и кричу: «За Родину!»

У-ха-ха, у-ха-ха, чем я девица плоха?
Есть и титьки, и пупок, и овчинки лоскуток.

МУЖСКИЕ ЧАСТУШКИ

**В поле ёлочка сухая — мой топорик не берёт.
Моя милочка скупая — титьки щупать не даёт.**

**Я к милашке подбирался под пуховую под шаль:
«Дорогая, дай пошарю?» — «Дорогой, пошарь, пошарь».**

**Эх, милка моя, шевелилка моя,
Сама ходишь, шевелишь, а мне трогать не велишь.**

**Эх, ёлки да палки, каракульки,
Поймался за титьки за мяконьки.**

**У моей у хаханьки есть перчатки мяконьки,
Сама ростиком большая, только титьки махоньки.**

**Я завлетку провожал, всю дорогу титьки жал,
А у самых у дверей ей навешал фонарей.**

**Милашка моя, я тебя уважаю —
Ложись на кровать, а я сверху ляжу.**

**Милашка моя, я тебя уважаю —
Куплю дёгтя на пятак, всю п.... измажу.**

**Я матаню ё... на бане, сажа сыпалась на нас.
— Подмахни, матаня, лучше, может быть, последний раз.**

**Я матаню ё... на бане, журавли летели,
А матаня подмахнула — сапоги слетели.**

**Я матаню ё... на бане, кто-то баню подожжёт,
Матаню кунку опалила, я полх... обожжёт.**

**Моя милка — как бутылка, а я — словно пузырьрёк,
Заволок её в канаву, чуть до смерти не заё...**

Я матаню — через сани, сани покатились,
Через годик у матани двойники* родились.

У гармошки, у тальянки, отломалось ушко,
У милашки, у Татьянки, подымается брюшко.

Уха, да уха, ты моя маруха,
Не ходила бы со мной, не было бы брюха.

Тятька кузенку* поставил, кто захочет, тот и куй.
Девки тятьке заказали девятиметровый х...

Ой п...-пи...ёнышка, золотое дёнышко,
Серебряны краюшки, хвостик, как у заюшки.

Х... на нарах, х... на нарах, х... на нарочках лежит,
Развалился х... на нарах, как порядочный мужик.

По деревне я иду, простукаю-пробрякаю,
Кому рожу разобью, кому брюхо смякаю.

Тёта да тёта, чигорить* охота,
Девки даром не дают, робить неохота.

У меня милашка Машка уважает колбасу —
Я — догадливый парнишка, при себе её ношу.

У кого какая баня — у меня без потолка,
У кого кака матаня — у меня без хохолка.

Я е...лся, х... сломался, чуть в п... не утонул,
За три волоса поймался, тятьку с мамкой вспомянул.

Ой, тёща моя, дай воды напиться,
Твоя дочь подо мной плохо шевелится.

Ох, тёща моя, тёща ласковая,
Эх, из-за серёдыша воробышка вытаскивала.

Я пришёл, она стирает, я и вынул из порток —
Не подумайте плохого: «На-ка, выстирай платок».

Денег было семь копеек, девку вые.. за пятак,
Остальные две копейки на п... положил так.

Я у милки под подолом облигацию нашёл,
Расстегнул свою ширинку, сразу номер подошёл.

Было туго, было туго, а потом пошло, пошло —
Двадцать восемь сантиметров вместе с яйцами ушло.

Мать-ети, похлёбку вылил, мать-ети, горячую.
Мать-ети, матаню вые..., мать-ети, стоячую.

Пароход идёт по Каме, а колеса по воде,
Если мамонька не женит, оторву себе муде.

Я жениться собирался мая двадцать пятого,
Мать женилку оторвала и в сарае спрятала.

Через тын овечки скачут, ну и я перескочу,
Если мамонька не женит, х... баню сворочу.

Ох, и голуби сидят синие на бане,
Я матаню повалил в синем сарафане.

В огороде, в лопухах, на некопанных грядках
Нищий нищенку полощет, и котомка в головах.

Продаю, продаю, девки, покупайте,
За полметра из штанов на поллитру дайте.

Я е...ть тебя не стану, Вера Николаевна,
У тебя в п... собака на меня залаяла.

Я милашку разок, она прищурила глазок,
Я ещё одинова — она и рот разинула.

Картошка цветет, черёмуха пахнет.
Кто матаню мою сёдне ночью трахнет?

Картошка цветёт, огурцы спели.
Мою милку без меня — на моей постели.

На угоре, на бую* берёзу раскачало,
Мою милочку е...ут — горе обуяло.

На том берегу головёшки шают,
Мою милочку е...т, меня не приглашают.

На том берегу воробьи чирикают,
Мою милочку е...т, только ляжки чикают.

Гуси-лебеди летели, закрывали облака,
Девки х... захотели, как парного молока.

Шёл я лесом, видел беса, а за бесом чудеса:
Сидит баба на телеге, п... шире колеса.

Шёл я лесом-осеком*, нашел п... с волосиком,
Думал-думал, куда деть, решил на голову надеть.

Ох ты, милая моя, милая Лукерья,
Нету шёрстки на п..., натыкай-ка перья.

Попляши-ка, тётка, спереди борода,
Меж ногами котелок, сзади сковородка.

Девки бегали по лесу, простудили ерунду,
Им без этой ерунды — ни туды и ни сюды.

Ой-е-ё, да ой-е ё, да как я лазил на неё,
На неё на самую, на ёлочку кудрявую.

Ох, кости болят, и суставы болят,
А ещё один сустав — куда хошь его поставь.

Восемь девок, один я, куда девки, туда я,
Девки в баню париться, я по титькам шариться.

Восемь девок, я один, завели меня в овин,
Х... по очереди держат, я лежу как господин.

Как умру, меня оденьте во стеклянные штаны,
Чтобы милочке увидеть принадлежности мон.

Шёл я полем-бороздам, нашёл корзиночку с п...ам,
Заволок её в овин и поё...ал один.

У милашки под рубашкой птичка гнёздышко свила,
А другая прилетела, пару яиц принесла.

У милашки под рубашкой рыжеватенький баран,
Подыми, милка, рубашку, я барашку сено дам.

Ох, тёща, бл...ища, блинщи пекла,
Уронила сковородищу, п...щу сожгла.

Я женился, удивился: широка и глубока,
Не подумайте плохого — Волга-матушка река.

У милашки у моей под подолом соловей,
Она бегат, сиверит*, мне ничё не говорит.

Хорошо ты, девка, пляшешь, топаешь галошами,
У тебя п... большая, как у старой лошади.

У моей милашки ляжки — сорок восемь десятин,
Без порток в одной рубашке обрабатывал один.

У моей милашки по три пуда ляжки,
Полтора метра хохол — подымается подол.

Шёл я лесом, видел чудо за зелёной ёлочкой:
Девки целки зашивали тоненькой иголочкой.

Научилась медицина сердце оперировать,
Почему не научилась целки ремонтировать.

У нас девки нынче мелки, как овсяная крупа,
Не найдёшь единой целки, по три четверти п...

Люди бережком гуляют, мы на лодочке плывём,
Люди целочки ломают, мы готовеньких е...м.

Только вышел из-за бани, она прямо на меня,
Если б не было нагана, изнасьела* бы меня.

По частому огороду хрен перебирается,
П... в кожаной тужурочке за ним гоняется.

Я по лесу торопился, из-под ног огонь летел,
Осердился на милую, зайти её хотел.

Я пойду и поиграю, на повити* милка спит,
С переборами сыграю — всю постелю обоссит.

Я ухаживал за ей, думал, целочка у ней,
Оказалась у ей шире кепочки моей.

«Ух, ух, я петух, кто меня потопчет?» —
Чернобровая моя на постели клокчет.

Шёл я лесом-просеком, нашёл п...ду с колесиком,
Колёсико вертелось, мне её хотелось.

По Уралу я шатался, х...ва работушка:
Денег нет, ети охота — дай авансом, тётушка.

Мелкий дождик моросил, у милашки я просил,
Мелкий дождик перестал, она дала, а я не стал.

Под Усольским-то мостом рыба плавится хвостом,
Девки ловят да едят, карапузиков ролят.

Я пою и веселюсь, жить в п... переселюсь,
Вставлю в рамочку стекло, будет тесно и тепло.

Ой, е...ть твою мать, чем же буду я пахать?
Запрягу п... лохмату, буду х... понужать.

Наши девушки баские, высоко поносятся,
В марте месяце е....тся, в сентября поросятся.

Мою милочку вчера тяжело поранили,
Вместо пули х... воткнули, в лазарет отправили.

Я е...лся, тыкался, у меня табак рассыпался.
Да мне не жалко табаку: вые.... девку на боку.

А я е...ся лучше гуся, гусь е...тся на воде,
Мы с милашкой — на полатях, только шлёпают муде.

На угоре-косогоре п... суслоны ставила,
Я пришёл её ети, она шары уставила.

Через тын-огород девка перелезла,
Села ср...ть в борозду, да мышь в п... полезла.

Ох, конь вороной, белые копыта,
Когда вырасту большой, нае..усь досыта.

Моя милочка высока, на п... растёт осока,
Я поставил там стожок, кто-то е..нутый сожёт.

Девки-бл...ди, я вам дядя, да вы племянницы мои,
Да полезайте да на полати щупать яица мои.

Девки-бл..ди сволочи, убежали с помочи*,
Эдак-ту не делают, с помочи не бегают.

Конь вороной по ограде ходит,
Милка девку принесла, да на меня походит.

ПРИМЕЧАНИЯ

Репкин сторож. Зап. С. В. Хоробрых, К. Докучаевой, Ж. Антиповой, 1996 г., от А. А. Чураковой, 1914 г.р., д. Большая Вильва Александровского р-на.

Такая природа. Зап. И. А. Подюковым, 1996 г., от М. С. Ощепковой, 1912 г.р., д. Коробейники Чернушинского р-на.

Шампанское. Зап. С. В. Хоробрых, 1997, от П. А. Елькиной, 1908 г.р., д. Поселье Усольского р-на.

Корень жизни. Зап. С. В. Хоробрых, 1997, от П. А. Елькиной, 1908 г.р., д. Поселье Усольского р-на.

«За того выйду, у кого нету». Зап. Л. Косиновой, Н. Кузнецовой, 1998 г., от Е. М. Рудой, 1928 г.р., с. Таман, Усольского р-на.

Полтора метра. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Чудо-диво. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Скромная фамилия. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Иванушко-простота. Зап. Н. Кузнецовой, И. Кольжановой, 2000 г., п. Пажва Юсьвинского р-на, архив Березниковского краеведческого музея.

Ванька-Манька. Зап. С. В. Хоробрых, Л. Косиновой, Н. Протасовой, 1999 г., от В. И. Федосеева, 1926 г.р., д. Чураки Косинского р-на.

На том свете. Зап. А. Захарчевым, М. Абрамовой, 1997 г., от А. И. Васильевой, 1925 г.р., д. Лекмартово Чердынского р-на.

Старуха причитала... Зап. С. В. Хоробрых, 1997, от П. А. Елькиной, 1908 г.р., д. Поселье Усольского р-на.

Как хлеба печь. Зап. С. В. Хоробрых, 1997 г., от П. А. Елькиной, 1908 г.р., д. Поселье Усольского р-на.

Пропала шинель и жнито. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Обломился. Зап. Н. Копытовым, С. Хоробрых, 2000 г., от Г. А. Исаева, с. Романово Усольского р-на, архив ПГПУ.

Семь копеек яичко. Зап. С. В. Хоробрых, 1997 г., от П. А. Елькиной, 1908 г.р., д. Поселье Усольского р-на.

Красная площадь. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Стиральная машина. Зап. Н. Копытовым, С. Хоробрых, 2000 г., от Г. А. Исаева, с. Романово Усольского района, архив ПГПУ.

Пусть стоит. Зап. С. В. Хоробрых, Л. Косиновой, Н. Протасовой, 1999 г., от В. И. Федосеева, 1926 г.р., д. Чураки Косинского р-на.

Все с Ленинграда. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Сорока. Зап. Д. Антиловым, 2000 г., д. Щекино Усольского р-на.

Вся Ивановна наружу. Зап. И. А. Подюковым от Ю. Я. Михалева, 1949 г.р., д. Детлята Карагайского р-на.

На гумне. Зап. И. А. Подюковым от Е. А. Жебелева, 1947 г.р., д. Мусонкино Карагайского р-на.

Всю перекосило. Зап. И. А. Подюковым от С.Ф. Подорова, 1951 г.р., д. Караваево Карагайского р-на.

Баранки помогли. Зап. И. А. Подюковым от Е. А. Селянина, 1937 г.р., с. Пянтег Чердынского р-на.

Ухаживал с пряниками. Зап. И. А. Подюковым от И. А. Козьминых, 1923 г.р., с. Карагай.

Два друга. Зап. С. В. Хоробрых, Л. Косиновой, Н. Протасовой, 1999 г., от В. И. Федосеева, 1926 г.р., д. Чураки Косинского р-на.

Божий промысел. Зап. Н. В. Ждановой, 1999 г., от А. В. Борисовой, 1904 г.р., д. Зеленово Карагайского р-на.

Уся да Руся. Зап. С. В. Хоробрых от З. С. Устюговой, 1924 г.р., г. Березники.

Катя и солдат. Зап. в 1992 г. от В. Н. Плахова, 1950 г.р., с. Юричи Карагайского р-на.

Наташа на балу. Зап. в 1995 г. от Н. Е. Дресвянкина, 1937 г.р., с. Карагай.

Князева наука. Зап. Н. Кузнецовой, И. Кольжановой, 2000 г., от С. К. Старкова, п. Елизаветово-Пожва Юсьвинского р-на, архив Березниковского краеведческого музея.

Прибавка к хозяйству. Зап. Н. Кузнецовой, И. Кольжановой, 2000 г., от С. К. Старкова, п. Елизаветово-Пожва Юсьвинского района, архив Березниковского краеведческого музея.

Кто в чем. Зап. С. В. Хоробрых, Л. Косиновой, Н. Протасовой, 1999 г., от В. И. Федосеева, 1926 г.р., д. Чураки Косинского р-на.

Ни слуху ни духу. Зап. С. В. Хоробрых, Л. Косиновой, Н. Протасовой, 1999 г., от В. И. Федосеева, 1926 г.р., д. Чураки Косинского р-на.

Катя на катере. Зап. С. В. Хоробрых, Л. Косиновой, Н. Протасовой, 1999 г., от В. И. Федосеева, 1926 г.р., д. Чураки Косинского р-на.

Два поэта были. Зап. С. В. Хоробрых, Л. Косиновой, Н. Протасовой, 1999 г., от В. И. Федосеева, 1926 г.р., д. Чураки Косинского р-на.

Доктор дак доктор. Зап. С. В. Хоробрых, 1997 г., от П. А. Елькиной, 1908 г.р., д. Поселье Усольского р-на.

Заяц-хвастун. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Месть зайца. Зап. Н. Копытовым, 2000 г., от Г. А. Исаева, с. Романово Усольского р-на, архив ПГПУ.

Таракан да блоха. Зап. Е. В. Абанькиной, С. В. Хоробрых, 1997 г., от А. А. Ваньковой, 1934 г.р., с. Верх-Язьва, Красновишерского р-на.

Горох до неба. Зап. С. В. Хоробрых, К. Докучаевой, Ж. Антиповой,

1996 г., от А. А. Чураковой, 1914 г.р., д. Большая Вильва Александровского р-на.

Заговор свекрови. Зап. Н. Протасовой, С. В. Хоробрых от Н. И. Балчуговой, 1939 г.р., д. Киселево Кишертского р-на. Говорился, когда парили в бане. Здесь же отмечен не менее любопытный вариант: когда свекровь парят, говорят: «Как ты, матушка быстра протошная вода, не заставляйся, не заляжливайся ни в жёлтых песках, ни в крутых берегах, смой, смети всю худую худобицу с рабы Божьей Марии, всю худую худобицу, спаси, сохрани от большого х...ща, во имя Отца и Сына, Духа Святого, х... косого». (Заговоры можно наговаривать на воду или водку, после того как нашепчут на напиток, этой водой или водкой брызгают свекрови изо рта в лицо.)

Заговор свёкру. Зап. Н. Протасовой, С. В. Хоробрых от Н. И. Балчуговой, 1939 г.р., д. Киселево Кишертского р-на. Действия те же, что и в заговоре свекрови.

Заговоры мужу. Текст 1. Зап. С. В. Хоробрых от Е. В. Узуповой, г. Красновишерск. Текст 2. Зап. И. А. Подюковым, с. Печмень Бардымского р-на. Текст 3. Зап. в с. Калинино Кунгурского р-на. Текст 4. Зап. И. А. Подюковым, с. В.Язьва Красновишерского р-на. Произносится на напиток, в который подмешана взятая из гребня петуха кровь. Отмечен здесь же вариант: «Как правило, у петуха подынается, так чтоб и у раба божия х... подымался». При этом в напиток подмешивают золу от сожжённого «правила» — самого длинного пера в петушином хвосте.

Заговор для насылания мужского бессилия. Зап. И. А. Подюковым от Н. Е. Шишигина, д. Шишигино Чердынского р-на. Наговорённую верёвку завязывали в узел и подбрасывали в дом того, кого хотели заговорить.

Чтобы лучше ковалось железо. Зап. Н. В. Ждановой, 1996 г., от Н. М. Вяткина, 1929 г.р., с. Нердва Карагайского р-на. Редкий текст, где эросная символика применена в производственной магии.

Загадка-сказка. Зап. М.И. Абрамовой от А.С. Черных, 1923 г.р., д. Неволино Краснокамского р-на.

Свадебная песня жениху. Зап. от А. И. Киселёвой, 1933 г.р., д. Киселево Кишертского р-на. Поют, поднеся невесте стопку с водкой, над стопкой, повторяя два раза каждую строчку.

Свадебная песня невесте. Зап. от А. И. Киселёвой, 1933 г.р., д. Киселево Кишертского р-на. Поют, поднеся невесте стопку с водкой, над стопкой, повторяя два раза каждую строчку.

Свадебная песня холостому дружке. Зап. от А. И. Киселёвой, 1933 г.р., д. Киселево Кишертского р-на.

Как Иванка... Зап. в 1999 г., д. Лекмарово Чердынского р-на. Каждая строчка поётся два раза. Исполнители прокомментировали песню следующим образом: «Исполнялась во время обжинок. Как всё уберут, колхозники собираются в один дом и тируют. А севачам, которые лукош-кам сеяли, бросали им, им замазывали тестом набируху (лукошко) и подносили на лопате. Наливают пиво и на хлебной лопате подносят. Они брали, тили да песни сказывали. Если севахи не окобалят (не выпьют), то кто за столом сидит, все выпьют».

Во ку-, во кузнице. Зап. в д. Мыслы Усольского р-на.

Саввушка. Зап. от М.И. Фотеевой, г. Соликамск. Представленный исполнительницей как песня текст чаще декламировался.

Синтетюрнха. Зап. в д. Таман Усольского р-на.

Пошли девки на работу... Зап. в д. Мыслы Усольского р-на, 1997 г. Каждая строчка поётся два раза.

Там, за горами... Зап. от М.И. Фотеевой, г. Соликамск. Представленный исполнительницей как песня, текст чаще декламировался.

Пойду выйду я, младенька.... Зап. в с. Таман Усольского р-на.

Ром, ром, ром дак и ром. Зап. от Т. Е. Милешкиной, Л. Я Ташикиной, М. А. Козициной, с. Калиновка Чернушинского р-на.

Вот под вербою. Зап. от М. А. Ракиной, 1913 г. р., А. С. Колокольниковой, 1920 г. р., Н. П. Ракиной, 1946 г. р., д. Ракино Чернушинского р-на.

Ой бывало я ... Зап. от Рогожниковой А. В., 1913 г. р., д. Андронов Чернушинского р-на

Парень ходит, парень ходит... Зап. от М. А. Ракиной, 1913 г. р., А. С. Колокольниковой, 1920 г. р., Н. П. Ракиной, 1946 г. р., д. Ракино Чернушинского р-на.

Посадили репку, не густу, не редку... Зап. от А. С. Колокольниковой, 1920 г. р., Н. П. Ракиной, 1946 г. р., д. Ракино Чернушинского р-на.

Научилась Дуня... Зап. в с. Берёзовка Усольского р-на, 1997 г.

Две молодушки наказывали... Зап. от Е. И. Фоминой, 1920 г. р., д. Лемзер Усольского р-на.

Затопила Дуня баню. Зап. от Е. И. Фоминой, 1920 г. р., д. Лемзер Усольского р-на. Представленный исполнительницей как песня текст чаще декламировался.

Лида по лесу ходила. Зап. от С. И. Колпаковой, 1912 г. р., д. Шатуново Октябрьского р-на.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Беспомошный — беспомощный

Боры — оборки

Буй — возвышенность

Вилавый — с развилкой (о дереве)

Вторить — сделать что-либо с особой силой.

Двойники — близнецы

Едакой — такой

Елань — развилка дерева

Ерохвеститься — хлестаться

Жаровиха — клюква

Забадожить — возбудиться

Заборка — перегородка

Изнасьелать — изнасиловать

Клеть — помещение в крестьянском доме, обычно для хранения продуктов

Криули, криулины — нечто кривое

Кузенка — кузница

Кунарить — вступать в интимную связь

Кути-кути — подзывные слова для цыплят

Ладом — как следует

Нарошный — специальный

Опорки — лапти

Осек — сваленные в лесу деревья, образующие своего рода изгородь

Петкать — сношать

Повесть, повить — верх в надворном крестьянском строении, сеновал

Подклет — место, куда отправляли молодых во время свадьбы (чаще всего — голбец)

Понужать — побуждать, заставлять

Пруха (от *тпрутя*) — корова

Сиверить — суеститься

Уроки — болезни

Хахарь — любовник

Цевка — катушка у ткацкого станка

Шабаркаться — тереться

Шаять — тлеть

Шворить — действовать с силой

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Сказки и бывальщины	6
Репкин сторож	6
Такая природа	6
Шампанское	6
Корень жизни	7
За того выйду, у кого нету	7
Полтора метра	8
Чудо-диво	9
Скоромная фамилия	10
Иванушко-простота	12
Ванька-Манька	13
На том свете	14
Старуха причитала	14
Как хлебы печь	15
Пропала шинель и жнито	15
Обломился	16
Семь копеек яичко	16
Красная площадь	16
Стиральная машина	17
Пусть стоит	17
Все с Ленинграда	18
Сорока	18
Вся Ивановна наружу	18
На гумне	18
Всю перекосило	19
Баранки помогли	19
Ухаживал с пряниками	19
Два друга	19
Божий промысел	20
Уся да Руся	20
Катя и солдат	20
Наташа на балу	21
Князева наука	21
Прибавка к хозяйству	21
Кто в чём	22
Ни слуху ни духу	22
Катя на катере	22

Два поэта были	23
Доктор дак доктор	23
Заяц-хвастун	23
Месть зайца	23
Таракан да блоха	24
Горох до неба	24
Заговоры	25
Заговор свекрови	25
Заговор свёкру	25
Заговоры гулящему мужу	25
Заговор для насыпания мужского бессилия	26
Чтобы лучше ковалось железо	26
Загадки	27
Песни	32
Свадебная песня жениху	32
Свадебная песня невесте	32
Свадебная песня холостому дружке	32
Как Иванка... ..	33
Во ку-, во кузнице	33
Саввушка	34
Синтетюриха	34
Пошли девки на работу... ..	35
Там, за горами... ..	36
Пойду выйду я, младенька... ..	36
Ром, ром, ром дак и ром	36
Вот под вербою	37
Ой, бывало я... ..	38
Парень ходит, парень ходит... ..	38
Посадили репку, не густу, не редку	38
Научилась Дуня... ..	39
Две молодушки наказывали... ..	40
Затопила Дуня баню	41
Лида по лесу гуляла... ..	42
Женские частушки	43
Мужские частушки	53
Примечания	60
Словарь диалектных слов	64

Научно-методическое издание
И смех и грех
Эротика в пермском фольклоре
Сказки, бывальщины, заговоры,
загадки, песни, частушки
Составители Иван Алексеевич Подюков,
Стас Валерьевич Хоробрых

Изд. лиц. ЛР № 040860 от 8.12.97 Подписано в печать 05.03.2001
Бум. ксероксная. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$ Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 4,25. Уч.-изд. л. 1,9. Тираж 500 экз. Заказ 32.

Изд-во Пермского регионального института педагогических
информационных технологий
614060, Пермь, б. Гагарина, 37а.